

Лили Браун

Письма маркизы

Лили Браун
Письма маркизы

«Public Domain»

1912

Браун Л.

Письма маркизы / Л. Браун — «Public Domain», 1912

«Когда старая графиня Лаваль, удобно развалившись в своем глубоком кресле, заговаривала о Дельфине Монжуа, причем, на ее тонких губ появлялась веселая, чувственная улыбка, ее строгая дочь, многозначительно взглянув на собравшуюся в комнате молодежь, неизменно восклицала тоном предостережения: «Но, мама!»...Графиня умолкала, и на лице ее, цвета слоновой кости, появлялся легкий румянец. Было ли то выражением досады или смущения – неизвестно, но только всю остальную часть вечера она бывала необыкновенно молчалива...»

Содержание

Пролог	6
Годы девичества	7
Владельница замка Фроберг	19
Немецкая трагедия	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лили Браун Письма маркизы

Die Liebesbriefe der Marquise

Первоисточник текста: Лили Браун. Письма маркизы / Пер. Э. К. Пименовой; Предисл. Р. Григорьева. – Пб.: Всемир. лит., 1919, 310 с.

* * *

Пролог

Когда старая графиня Лаваль, удобно развалившись в своем глубоком кресле, заговаривала о Дельфине Монжуа, причем, на ее тонких губ появлялась веселая, чувственная улыбка, ее строгая дочь, многозначительно взглянув на собравшуюся в комнате молодежь, неизменно восклицала тоном предостережения: «Но, мама!»...

Графиня умолкала, и на лице ее, цвета слоновой кости, появлялся легкий румянец. Было ли то выражением досады или смущения – неизвестно, но только всю остальную часть вечера она бывала необыкновенно молчалива.

Когда же одна из ее внучек приходила к ней и заставляла ее одну, ее не приходилось долго упрашивать. Она охотно рассказывала слушающей ее с жадностью внучке о Дельфине, обладавшей чудесным свойством приковывать к себе все сердца. Игривый гений Рококо, полу-Амур, полу-Фавн, напевал свои пастушеские песни над ее колыбелью, героическая эпоха Наполеона наполняла своим шумом ее старость. Вокруг ее благоухающей кудрявой головки бушевал ураган 89-го года, а гроза июльской революции коснулась уже ее седых волос. Скользящая поступь менуэта, шелест шелковых платьев, стук каблучков, звон набата, гром пушек, а в промежутках – топот, тихий смех, сдержанное рыдание, – вот была ее история!

В одну из зим, когда мягкий глубокий снег, окружавший ее замок у подножия Вогез, заглушал все звуки, ее жизнь тихо угасла.

– Незадолго до своей смерти, – рассказывала графиня Лаваль, – Дельфина еще раз тщательно занялась своим туалетом. Мне показалось даже, что она слегка нарумянила щеки и чуть-чуть подвела свои красивые черные глаза. «Мой последний гость, – сказала она, – не должен иметь повода жаловаться на недостаток благовоспитанности с моей стороны»...

Ее внуки получили в наследство старый замок, откуда отлетело, казалось, всякое дыхание жизни, а длинные нити жемчуга потускнели, словно тоскуя по белоснежной шее и рукам, которые они некогда украшали...

Графиня Лаваль, племянница Дельфины Монжуа, взяла оттуда только пачку старых писем. Для нее они ценнее всех мертвых сокровищ, потому что в этих пожелтевших листках она чувствовала биение сердца маркизы...

Годы девичества

Принц Фридрих-Евгений Монбельяр – Дельфине

Замок Этюп, 16 июня 1771 г.

Прелестная Дельфина, грациознейшая из нимф! Со вчерашнего дня я не смыкал глаз. Я постоянно видел вас перед собой, – вас, ускользающую от меня, самого влюбленного из пастухов, и исчезающую в аллеях, за водопадами, точно погружаясь в их прохладные струи. Но тот миг, когда толпа гениев, спасаясь от преследований, искала защиты в храме Венеры, – именно там я приобрел вас, победив в борьбе моего соперника барона Вурмсера, – этот чудный миг я не осмеливаюсь вызывать в своем воспоминании. Биение моего сердца, трепетание пульса, жгучий румянец моих щек слишком ясно указывают лихорадку, которая овладела мной.

Мой дядя, герцог, не хотел верить, что это мы, дети, импровизировали этот праздник в честь его, и он совершенно не допускает мысли, чтобы Дельфине Лаваль, этой грациознейшей из всех танцовщиц, было только тринадцать лет! «Версаль почел бы за счастье открыть ей свои двери, и король был бы первым ее почитателем», – сказал он. Я слышал, как он уговаривал мою мать позаботиться о том, чтобы прелестная Дельфина была представлена ко двору в Штутгарте, в свите моей сестры.

И вот, хотя меня все еще причисляют к детям, и г. фон Альтенау больше всего желал бы, чтоб я был глух и слеп порой (между прочим, я еще не знаю, как избежит это письмо его аргусовых взоров), но одно я знаю наверное: моя прелестная подруга будет в большей безопасности при Версальском дворе, во главе которого находится старик, нежели при Штутгартском.

Я бы сумел со шпагой в руке защитить вас против всех навязчивых поклонников, хотя бы они занимали самое высокое положение в свете, но я должен от вас самих получить на это право. Я чувствую это: со вчерашнего дня мы уже не дети! Невинные игры прошлых лет сменяются уже другими, более сладостными играми...

Я уговорился с Францем, моим самым молодым рейткнехтом. Он поклялся мне, что передаст это письмо вам лично и только от вас примет ответ. Не заставляйте меня надеяться тщетно! В ваших глазах сияло мне снисхождение, когда я, бедный пастух, упал к ногам своей богини. Не заставляйте же меня думать, что это было лишь отблеском огненных фонтанов, поднимавшихся к небу вокруг храма богини!

Моя сестра ждет вас к себе в воскресенье. Если до тех пор я получу от вас несколько слов, в которых будет заключаться хотя бы слабый отзвук на то, что я пишу вам, я постараюсь устроить так, чтоб мы могли встретиться с вами одни, без свидетелей.

Принц Фридрих-Евгений Монбельяр – Дельфине

Замок Монбельяр, 12 декабря 1771 г.

Дорогая Дельфина! Вы глубоко ранили сердце, полное любви к вам. Я мог скорее вообразить себе все несчастья в мире, ожидающие меня, нежели то, что горизонт моего счастья может вдруг так омрачиться! Неужели вы могли так быстро позабыть то, что обещали мне в гроте Посейдона, когда я собственными руками осмелился развязать розовую ленту на вашей шейке, ослепительная белизна которой заставляла лебедей каждый раз, когда наша ладья проплывала мимо них, завистливо хлопать крыльями и грозно поднимать их на вас.

Это было двадцатого июня. О, я никогда не забуду тот день и час и постоянно буду напоминать вам о нем!

С тех пор, как мы вернулись в Монбельяр, и чудная свобода снова уступила место придворным стеснениям, ваше обращение со мной совершенно изменилось.

Но я был слеп и не понимал этого. Я видел в вашей осторожности только результат требований церемониала, в вашей боязни встречаться со мной наедине – опасение попасться на глаза

моему гофмейстеру и вашей гувернантке, а в ваших стараниях всегда находиться в обществе моей сестры – лишь коварное намерение придать нашей встрече вполне невинный характер.

И вот, когда счастье – или вернее, восхитительное легкомыслие моего дяди, – почти насильно доставило нам случай быть наедине, вы сами постарались избежать этого, чтобы остаться в обществе моего гофмейстера, г. фон Альтенау. И он читал вам перед камином стихи, да еще притом, немецкие стихи!

Когда же я возвращался в санях моего дяди из своей поездки, продлив ее нарочно до самой ночи, – Боже, как приятно было бы, если б я мог увезти с собой мою прелестную подружку под белой меховой полостью, в этих санях, имеющих форму гигантского лебедя с распростертыми крыльями! – то в душе моей была надежда, что я увижу, по крайней мере, выражение тревоги в ваших глазах, но вместо этого я услышал удивленный возглас: «Уже вернулись?» и увидел взор, затуманенный слезами, сопровождавший пожатие руки г. фон Альтенау.

Я был настолько безумен, что до сих пор считал г. фон Альтенау своим другом. Мое доверие к нему и детское восхищение богатством его знаний было так безгранично, что я ничего так не желал, как познакомиться с ним и мою очаровательную Дельфину, для того, чтобы и она могла пользоваться тем, чем я пользуюсь.

И теперь такое разочарование! Мой друг оказывается изменником, а моя возлюбленная бросает меня ради него!..

Но не надейтесь, что я так легко откажусь от вашего ветренного сердца. Ревность и ненависть научат меня, как нанести чувствительный удар моему сопернику.

*Иоганн фон Альтенау – Дельфине
Замок Этюп, 16 января 1772 г.*

Всемиловитейшая графиня! Г-жа Ларош только что сообщила мне, что вы больны, и что мы не можем ожидать вас на будущей неделе в Монбельяре. Это глубоко огорчает меня. Часы, проведенные с вами, когда мне было дозволено развернуть перед взорами вашей чувствительной души неведомые вам сокровища немецкой поэзии, составляют светлые мгновения в моей печальной жизни.

Разрешите мне прислать вам сегодня французскую книгу, принадлежащую к самым прекрасным и возвышенным произведениям, созданным французской литературой. Это «Новая Элоиза» Жан-Жака Руссо, того самого непризнанного писателя, о котором я так часто рассказывал вам. Чтение его произведений предъявляет большие требования как чувству, так и уму, но я думаю, что вы уже находитесь на высоте этих требований.

Я считаю своим долгом сообщить вам, что принц Фридрих-Евгений обнаруживает в последнее время еще большую склонность к учению, нежели прежде, что я и приписываю вашему влиянию и примеру. Он проводит больше времени в моей комнате, нежели в своих охотничьих владениях, и больше занимается книгами, нежели собаками и лошадьми. Если его легко воспламеняющееся сердце до сих пор приходило в восторг от всего возвышенного и красивого, с чем я имел возможность познакомиться его, то теперь он уже начинает серьезно интересоваться высшими вопросами современной эпохи. Будем надеяться, что такое направление его ума не окажется скоропреходящим. По примеру короля Пруссии, именно владетельные князья, мысли и – деяния которых так ясно отражаются на мировой сцене, должны выбирать своими спутниками гениев искусства и науки. Между тем, именно государи, привыкшие только к преданной покорности своих подданных, склонны обращать и эти высшие существа божественного происхождения в простых прислужников своих наслаждений.

*Принц Фридрих-Евгений Монбельяр – Дельфине
Замок Монбельяр 19 июня 1772 г.*

Обожаемая Дельфина! После стольких месяцев раздражения и упреков самому себе, я, наконец, получил возможность снова припасть к вашим ногам. Графиня де Шеврез гостит у нас со своим сыном. У меня сердце замерло в груди, когда он заговорил со мной об очаровательной графине Лаваль, с которой счастливец имел право танцевать на детском балу маркизы Мортемар. Я старался оставаться хладнокровным. Я со скучающим видом слушал его, когда он мне описывал вашу прическу а l'amoureuse, ваше затканное золотом платье из голубой парчи, хвалил ваши грациозные движения в менуэте. Но когда он выразил восхищение даже при одном только воспоминании о ямочках на ваших щечках, над улыбающимся розовым ротиком, у правого угла которого посажена была мушка – как будто ваш ротик нуждается в таком украшении! – самообладание окончательно покинуло меня. Я доверился ему. Он дал мне слово передать вам это письмо при первом же удобном случае.

Да, Дельфина, я виноват, но за свою вину я так страшно наказан вашим отсутствием, что, по крайней мере, вы должны меня выслушать.

Когда я, при помощи моего рейткнехта, подкупил слугу г. фон Альтенау и таким путем открыл вашу переписку с моим гофмейстером, моему бешенству не было границ. Никакое средство не казалось мне низким, чтобы достигнуть цели и охладить вас. Я изо всех сил старался подделаться к г. фон Альтенау, чтобы заслужить его доверие, и от меня не остались скрытыми его тайные сношения с парижскими философами. Я находил в его библиотеке одни только книги, публично осужденные и сожженные парижским парламентом, авторы которых должны были, по указу короля, нести наказание в Бастилии, в Венсенне и Фор-Левеке за свои мятежные речи. Я прочел эти книги и открыл, что именно из них г. фон Альтенау почерпнул все те мысли, все те знания, которые он передавал нам в своих уроках.

О, Дельфина, я перенес тяжелую борьбу с самим собой! Но страстное желание удалить от вас г. фон Альтенау заглушило голос моей совести. Я сообщил герцогу о моем открытии, и мой гофмейстер был уволен в тот же день. Он не удостоил меня даже взглядом, и я, пристыженный и расстроенный, не осмелился выйти из своей комнаты, пока он не уехал. Не я оказался победителем, – это я глубоко чувствовал прежде даже, чем узнал о том, что мой поступок заставил вас страдать. Я бы отдал полжизни, если бы мог вернуть это!

«Благочестивая атмосфера монастыря быстро изгонит дыхание ада, которое вдохнула наша милая графиня», – умильным голосом проговорила ваша гувернантка, эта старая змея, сообщившая нам о вашем отъезде в аббатство О-Буа. Но когда Гюи нарисовал нам жизнь в этом монастыре, когда он рассказал нам, что Доберваль – первый танцор парижской оперы, и там руководит танцами, и что вы, прелестная Дельфина, возбуждаете всеобщую зависть, так что даже сестра Гюи, получившая первый приз за историю, завидует вам, когда он сообщил, что вы получили первый приз за танцы, и герцогиня Лавальер, придя в восторг, подарила вам веер, который держала в руках (хотя он был украшен не изображениями святых, а только грациями и музами) – тогда де Ларош набожно перекрестилась и пожаловалась на испорченность Парижа. Мы сидели в тот вечер (в первый раз в этом году) на большой террасе замка Этюп. Все фонтаны были пущены. Позади последнего боскета раздавалось мелодическое пение, – это пели наши косари и косильщицы, работавшие на лугу. Наш новый дворецкий научил их в течение зимы этим грациозным напевам, чтобы веселить нас и приводить в восторг наших гостей. Но не легко было этих, обыкновенно столь покорных людей, заставить заниматься искусством! Некоторые, чересчур строптивые, имевшие дерзость заявить, что «герцогу нужны их руки, а не их голоса», попали в Монбельяре в темницу. С тех пор уже хор всегда оставался в полном составе. Число наших гостей больше обыкновенного, но как ни много их, а все же они не могут наполнить ту пустоту, которую я постоянно ощущаю. И, тем не менее, как ни велика эта пустота, но маленького клочка бумаги с тремя словами: «Я прощаю вас!» было бы достаточно в этот момент, когда все слишком смелые желания должны умолкнуть, чтобы заставить меня забыть о ней. Неужели я буду тщетно ждать этого?

Иоган фон Альтенау – Дельфине
Париж, 3 июня 1772 г.

Самые толстые монастырские стены становятся тонкими, как шелковая бумага, если они находятся в Париже и за ними воспитываются дамы высшего круга! Я бы счел себя обязанным, конечно, тайно доставить вам те книги, из-за которых мне пришлось оставить замок Монбельяр. Я постарался бы избежать на этот раз того, чтобы еще какой-нибудь принц Фридрих-Евгений злоупотребил моим доверием, а другая m-me де Ларош наказала бы вас. Но я не хочу беспокоить вас теперь. Если бы я еще находился в атмосфере замка Монбельяр, – где настолько царит дух XVII века, что только гроза восемнадцатого века могла бы рассеять его, – я бы низко склонился перед вами и поцеловал вашу ручку, просил бы у вас прощения, потому что я без вины виноват и в вашем изгнании. Но я, как и вы, нахожусь теперь в столице и поэтому знаю, что даже монастырь в Париже следует предпочесть старому замку в Эльзасе!

Я приехал сюда со своими запрещенными книгами и тотчас же увидел, что я напрасно затруднял себя таким образом, Идеи, заключающиеся в этих книгах, уже наполняют воздух Парижа, так что каждый неизбежно вдыхает их. Они проникают даже в салоны большого света, потому что прекрасные дамы, – в чьих белых ручках каждое оружие превращается в интересную игрушку, а мысль – в острое слово, – утомились, наконец, пастушескими играми и теперь жонглируют, точно сверкающими шариками, произведениями человеческого духа, не подозревая, что в них заключаются взрывчатые вещества.

Не бойтесь поэтому, милая маленькая графиня, если вы откроете у себя, в своей головке, остатки мыслей Новой Элоизы, а в своем сердечке найдете чувства, за которые должна была бы краснеть девица, живущая в монастыре. В Париже это теперь в большой моде. Нечего вам также бояться и свидания со мной, бедным немецким бароном, у которого «Contract social» находится не только в кармане, но и в голове. Подобно тому, как аристократы пользуются почетом в высших финансовых кругах, так и литераторы пользуются таким же успехом в придворном обществе. Они занимают там место шутов и поэтому могут все позволять себе, если только сумеют приятно щекотать чувствительные нервы высоких и высочайших особ.

Но это, моя маленькая графиня, в сущности вас не касается. Я вижу, что ваши глаза так же широко раскрываются от изумления, как тогда, когда я рассказал вам, что за изгородью роз и лавровых деревьев в Этюпея видел детей, которые дрались с собаками из-за старой сухой корки хлеба. Впрочем, то, что я тогда сказал вам, я повторил и родителям этих детей: крестьяне не должны думать, что драться с собаками из-за корки хлеба, – это судьба, предназначенная им Богом! Господин герцог, вероятно, будет удивляться, какое действие оказывают книги, хотя он и позаботился о том, чтобы его люди не умели читать...

Граф Гюи Шеврез – Клариссе
Париж, 8 августа 1772 года

Дорогая сестра! Я посылаю вам обещанную бонбоньерку. Надеюсь, что святая мать Батильда в своей божественной простоте примет амурчиков за небесных ангелочков и будет думать, что единственное содержимое бонбоньерки составляет сладкое драже. Вы знаете, однако, на каких условиях я обещал доставить вам ответ Шевалье. Сегодня вы должны выполнить это условие. Передайте маленькой Лаваль письмо, которое найдете на дне коробки, и постарайтесь, как старшая подруга, употребить все свое влияние на нее и в таких блестящих красках изобразить мои внешние и внутренние качества, чтобы мой образ наполнил собой мечты Дельфины. Фридрих-Евгений красивый юноша, но он слишком немец, и мне было бы нетрудно вытеснить его, если бы не та, в некотором роде современная сентиментальность, которая приказывает слово «любовь» произносить трагическим тоном и которая теперь овладела вашей подругой. Вы должны объяснить ей, что обаятельная сила влечения, существующая

между полами, предназначена не для того, чтобы отягощать жизнь, а чтобы делать ее легкой и приятной. Амур ведь имеет крылья! Только пленники со свинцовым грузом, привязанным к ногам, уныло топчутся на одном и том же пространстве...

*Граф Гюи Шеврез – Дельфине
Париж, 8 августа 1772 года*

Очаровательная Дельфина! Одна мысль о вас могла бы заставить меня совершить величайшее преступление, не сдержать своего кавалерского слова. Может ли быть что-нибудь тягостнее для молодого человека, чем играть роль посыльного любви у той, которую обожает его собственное сердце?!

Но я подчиняюсь своему долгу, как вы видите, и посылаю вам письмо принца. Могу ли я надеяться, что вы, по крайней мере, будете вспоминать обо мне с чувством благодарности, которое все же не лишено некоторой теплоты.

Мы с вами увидимся на балу герцогини Люксембург. Даже рискуя навлечь на себя ваши упреки в том, что я нарушаю права дружбы Фридриха-Евгения, я все-таки должен вам сознаться, что мое сердце уже теперь трепещет от радости. Если это правда, что вы будете участвовать в спектакле у m-me де Рошшуар, то я употреблю все усилия, чтобы мне передали роль любовника. Пусть верность дружбе не позволяет мне поклоняться вам так, как этого требует мое восхищение вами, зато, по крайней мере, на сцене, повинуюсь требованиям поэта, я буду освобожден от этого тягостного долга.

*Принц Фридрих-Евгений Монбельяр – Дельфине
Замок Монбельяр, 29 сентября 1772 г.*

Драгоценнейшая Дельфина! Ваша записка привела меня в состояние восторга. Вы прощаете меня! Правда, когда я перечитываю ее, то эти четыре слова: «Я больше не сержусь» теряют то сладостное значение, которое я хотел бы им придать, вследствие добавления к ним других слов: «потому что здесь чудесно!». Но я не хочу раздумывать об этом, не хочу допускать мысли, что ваше прощение вызвано не теплотою вашего чувства, а холодом забвения. «Что представляет Этиоп в сравнении с садами Версаля, что такое Монбельяр в сравнении с Парижем?» – пишете вы и разворачиваете передо мной головокружительную картину балов, маскарадов, опер и балетов. У меня хватило бы жестокости жалеть, чтобы вы лучше оставались в монастыре, как хотела этого m-me Ларош, если б я не надеялся – я едва осмеливаюсь выговорить это и думать об этом! – через несколько месяцев принадлежать к числу тех счастливых, которые имеют право окружать своим поклонением прекрасную Дельфину.

Помните ли вы маркиза Монжуа, которого мы называли Людовиком XIV из-за его напыщенной важности? Он гостит теперь у нас вместе со своим отцом, и я, оставшись с ним наедине, попросил у него извинения за все те шутки, которые мы позволяли себе с ним, потому что именно он убедил герцога взять меня с собой, когда он поедет в Версаль, чтоб явиться ко двору. Представители старинного французского дворянства, по словам маркиза, должны своевременно сплотиться вокруг дофина. Маркиз не может достаточно нахвалиться его простотой и благочестием и говорит, что младшие сыновья владетельных князей, связанных с королевским домом, должны непременно поступить на службу дофина.

Должен ли я говорить вам, обожаемая Дельфина, что вовсе не мой интерес к дофину и его добродетелям привлекает меня в Париж? Но все соблазнительные удовольствия Парижа, которые мой друг Гюи не устает описывать мне, бледнеют перед одним единственным взором ваших чудных глаз. И я снова имею право надеяться увидеть их!

Но я боюсь, что черные звездочки нетерпеливо пробегают строки, продиктованные моей любовью и тоской. Ведь я не знаю, человеческие ли это глаза, являются ли они зеркалом чув-

ствительного сердца, или же это только бриллианты, отражающие свет всего мира, но все же – только камни?

Вы требуете новостей с родины. О последнем долговременном пребывании герцога Вюртембергского в Эрмитаже вам уже, вероятно, писала моя сестра. Он вел очень замкнутую жизнь, желая отдохнуть от правительственных дел. Мы пригласили танцовщиц из Вены для его развлечения. Они представили балет Новерра «Медея», который привел в восторг всех зрителей. Герцог собственноручно роздал девицам драгоценные сувениры.

В честь его и многочисленных других гостей предполагалось устроить большой сельский свадебный пир. Мой отец приказал возвестить, через Этюпского капеллана, что он подарит каждой из десяти молодых девушек по свинье, если они согласны будут выйти замуж, а моя мать уже рассказала нашим гостям об идиллическом празднике, который имеется в виду. Вместо этого, как вы думаете, что вышло! Один из наших форштейдеров заявил дворецкому, настаивавшему на скорейшем решении, – так как гости уже начали выказывать нетерпение, – что девушки и молодые парни, находящиеся в брачном возрасте, отказываются от брака, в виду господствующей среди крестьян сильной нужды. «Наш труд пожирается податями, и наши дети могут погибнуть от голода», – прибавил этот дерзкий человек.

Наши гости были вознаграждены облавой за печальную неудачу этого сельского праздника. Пространство, отведенное для охоты, было громадно, но даже старый принц Конде, дрожавшие руки которого едва могут держать ружье, все-таки не дал ни одного промаха. Правда, зверей гнали прямо к нему. Потом ужинали на открытом воздухе в палатках. Всеобщее внимание возбудил негр-великан, которого маркиз Монжуа привез с собой из своей последней африканской экспедиции. Но хотя украшения из золота и драгоценных камней, сверкавшие на этом негре, стоят сотни тысяч, все же они составляют лишь незначительную часть огромных богатств маркиза. Он, одновременно с нами, придет в Париж, и я хочу открыть вам, что он намерен поднести вам, как дочери своего старого друга, драгоценное жемчужное ожерелье, которое он приобрел от одного индийского принца.

Моя сестра показала ему вашу миниатюру, которую я до сих пор тщетно вымаливаю у нее. «Красота и невинность!» – произнес с восхищением маркиз. Я молчал. Должен ли я был сказать ему, что портрет мало похож, и что вы в тысячу раз прелестнее?

Вы видите, обожаемая Дельфина, сколько бы я ни старался говорить о чем-нибудь другом, мое перо, еще не научившееся скрывать и выводить придворные фразы, чуждые сердцу, постоянно возвращается к вам вместе с моими мыслями. Но как ни дорого мне это, я все же не могу дожидаться времени, когда живое слово сделает ненужным мое перо.

Граф Гюи Шеврез – Дельфине

Париж, 28 декабря 1772 года

Из-за мадригала, преисполненного нежности, которому мог бы позавидовать сам шева-лье Буффле, – неужели же я буду лишен вашего присутствия, прелестная Дельфина? Нет, мать святая Батильда, мы докажем вам, что Дельфина не монахиня, которая находится под вашей командой. Чего бы это ни стоило, но моя обожаемая будет на маскарадном балу в отеле дю Шатле! Не помрачайте же блеска ваших глаз слезами...

Граф Гюи Шеврез – Дельфине

Париж, 30 декабря 1772 г.

Все в порядке. Пара луидоров превосходят своим блеском всякое сияние святости и раскрывает всякую монастырскую дверь. Сестра, которая передаст вам эти строки, скажет вам все, что нужно. У маленькой садовой калитки будет ждать вас портшез, который перед этим доставит на бал Клариссу. За ваше спокойное возвращение назад ручается нам боязнь привидений у матери святой Батильды. А цена за мою рыцарскую услугу?..

Иоганн фон Альтенау – Дельфине
Париж, 31 декабря 1772 г.

Моя милая маленькая графиня! Так как я могу только в присутствии одной из ваших строгих надзирательниц натянуто и церемонно осведомляться о вашем здоровье, а между тем, после событий вчерашней ночи, я имею многое сказать вам, чего вам не расскажет никто, то я и посылаю вам тайно это письмо.

Это была встреча, достойная того, чтобы Лагари изложил ее в своих легких стихах, а Буффле описал ее в одном из своих прелестных рассказов.

Темная ночь. Большие белые хлопья медленно ложатся на землю и там постепенно превращаются в клейкую грязь... Вот из-за угла улицы де Сев показывается человек с фонарем, наполовину скрытым под его плащом. Он робко оглядывается кругом, затем поднимает фонарь и тогда показывается второй человек, за ним следует третий и, наконец, портшез, плотно завешанный, который несут носильщики. Они идут быстро, точно это бегство. Не знаю, какая смутная мысль внезапно побудила меня, когда я случайно встретился с ними, повернуть назад и пойти той же дорогой. Вдруг небо перед нами ярко освещается огненным заревом. Носильщики пугаются и опускают портшез на землю. Через секунду занавески раздергиваются, и между ними показывается напудренная головка. Два черных глаза испуганно смотрят. Внезапно они узнают меня. Слуги грубо понукают носильщиков, заставляя их выполнить свой долг. Они идут вперед, и с этой минуты я точно прикован к ним. И вот, какой-то оглушительный шум несется к нам навстречу. Звон колоколов раздается со всех сторон, вызывая стократное эхо, и к нему примешиваются трубные сигналы, звуки которых все растут и растут. Крик людей... Вот уже мы у Пон-Неф. Сена окрашена красным цветом, как при восходе солнца, и справа пламя поднимается к небу, точно хочет прорвать темный небесный свод.

– Горит ратуша! – взвизгнула какая-то старая баба возле нас. «Дитя мое, дитя мое!» – кричит отчаянным голосом другая и бросается в сторону огня. «К Сартине!» – кричит какой-то мужчина и вырывает из рук слуги фонарь.

– Никто не может войти в дом!.. Больные горят!.. Четыреста больных!.. – Мы останавливаемся, оцепенев от ужаса.

И вот маленький портшез открывается, и среди этой полной ужаса ночи появляется светлый образ, окруженный облаками белого шелка, в розовом венке на напудренной головке и в золотых башмачках на нежных ножках. Голые ручки, детская шейка сияют среди ночной темноты.

В тот же миг на мосту появляется процессия, медленно двигающаяся к нам навстречу. Слышны тихие стоны и рыдания. Жалкие, оборванные, полуголые создания, с неподвижными взорами и лихорадочно горящими щеками... Они едва держатся на ногах, облачиваясь друг на друга. Там бледная малютка прильнула к старику, на которого смерть уже наложила свою печать. Несчастливая женщина с лицом, представляющим одну гноящуюся рану, облачивается на юношу, потухшие глаза которого уже не видят огня. Товарищи по несчастью, частью несли, частью волочили тех, которые уже не могли идти. Двое мужчин, с дрожащими коленями, держали под руки девушку и тащили ее за собой...

Я хочу взять под свою защиту светлое видение, стоящее передо мной в нерешительности, и протягиваю к нему свои руки. Но девушка вырывается у меня и стоит уже в толпе бегущих. Около нее собираются люди, слышатся грубые слова, грубые руки протягиваются к ее ожерелью. Но она уже больше не боится...

– Возьмите мой портшез для этой девушки! – восклицает она. – Носильщики, сюда! – прибавляет она повелительным тоном. – В аббатство О-Буа!

Все повинуются ей, никто ее не трогает, все слова умолкают. И в своих золотых башмачках, в своем белом шелковом платье, графиня Дельфина возвращается назад в монастырь

по липкой грязи улиц. Она все тяжелее опирается на мою руку, она молчит и только кивает головой на все мои вопросы. Лишь у калитки она останавливается, смотрит на меня широко раскрытыми глазами и произносит: «Бывает ли что-нибудь подобное?.. В самом деле?.. Это не сон?..»

Ваше наказание не будет суровым, маленькая графиня, потому что дело милосердия искупает ваш проступок в глазах благочестивых монахинь. Но все же у вас будет много времени, чтобы обо всем пораздумать. Вы в первый раз в жизни взглянули в глаза истине, которую скрывали от вас за высокими тесовыми изгородями и монастырскими стенами, и шелковые занавески на ваших окнах заслоняли ее от ваших глаз. Это все существует в действительности, это не сон, графиня Дельфина! Из этих несчастных, которых вы видели, сотни погибли в огне. Но, несмотря на такой ужасный конец, эти страдалцы, лежавшие вчетвером и впятером на одной кровати, еще не самые несчастные! Существуют сотни тысяч таких, которых голод медленно замучивает до смерти и у которых нет другой кровати, кроме камней на мостовой...

Когда же они проснутся, о, графиня Дельфина, тогда не поможет и все ваше милосердие!..

Смею ли я дать вам дружеский совет? Остерегайтесь графа Шеврез. Несмотря на свои восемнадцать лет, он уже законченный повеса. Наставницей его в делах любви состоит знаменитая танцовщица Гимар. Быть соучастницей его проказ принесет вам несомненный вред.

При нынешних обстоятельствах я не должен ждать от вас ответа, как бы он ни осчастливил меня. Но я надеюсь встретиться с вами, как только кончится ваше заточение, у герцогини Лавальер, в кружок которой я получил доступ, потому что немецкие мыслители, со времен барона Гольбаха, сделались необходимой принадлежностью каждого хорошо устроенного салона в Париже.

*Граф Гюи Шеврез – Дельфине
Париж, 30 января 1773 г.*

Прекраснейшая! Лучшая в мире! Вы видите перед собой человека, доведенного до отчаяния. К тому горю, которое постигло меня в ту злополучную ночь, когда вы не явились на праздник, – блеск которого перестал существовать для меня, потому что вас не было, – прибавилось еще другое, более глубокое страдание. Меня оклеветали в ваших глазах. Если б не сила вашего возмущения по поводу моих предполагаемых грехов – Кларисса говорит: она плачет гневом! – оставляющая мне надежду, что моя персона вам не вполне безразлична, то я посыпал бы пеплом свою главу и подверг бы себя бичеванию, подобно святым отшельникам в пустыне. Но я знаю: прелестнейшая из всех монастырских воспитанниц с негодованием отвергла бы меня, если бы я явился перед нею во власянице аскета.

Поэтому я осмеливаюсь предстать перед ней в своем обычном виде, как придворный кавалер королевы, напудренный, раздушенный и в желтом шелковом кафтане, как раз в том виде, в котором я нравлюсь прекрасным женщинам, и очень многим женщинам, очаровательная графиня, которые не так строги, как вы, и не ставят мне в вину, что я не избегаю общества любовницы моего брата – слышите ли: моего брата! – общество которой находят приятным даже придворные дамы, потому что она воплощает в себе всех добрых гениев ума, остроумия, веселости и грации.

Вы видите Париж только сквозь замочную скважину монастырских дверей. Если в круг вашего зрения попадет хромой нищий, грязный бродяга, женщина в лохмотьях, то вы думаете: вот это Париж! Между тем вы увидели только несколько образчиков того сброда, который рассеян по всему свету и сделался тем, что он есть, вследствие пьянства, нежелания работать и преступлений. Здесь больше было бы уместно презрение, а отнюдь не милосердие, потому что всякое соприкосновение с подобными элементами может только загрязнить вас.

Оставайтесь, прелестная Дельфина, на вершинах человечества, для которых вы рождены! Достаточно грустно уже то, что вы так долго находитесь вдали от жизни, а также и от своего вернейшего и преданнейшего поклонника.

Парижская общественная жизнь теперь еще блестящее, чем когда-либо. Вы знаете, вероятно, что наш общий друг Фридрих-Евгений ринулся в ее водоворот. Я находился как раз на дежурстве у дофины, когда он был ей представлен. Он понравился, этот добрый малый, только все немного посмеиваются над его откровенным изумлением перед всем, что он видит, изумлением, от которого веет провинцией. Впрочем, у него есть талант к тому, чтобы сделаться парижанином. Когда я ввел его к m^{lle} Гимар, то он, правда, сначала широко раскрыл свои (к сожалению, такие немецкие) голубые глаза при виде прозрачных одежд стольких очаровательных женщин, но зато потом с пылкостью играл роль селадона возле маленькой танцовщицы.

Чтобы помочь вам сократить время вашего заключения – в котором, я, к сожалению, не вполне безвиновен – я посылаю вам прелестный роман Дора «Жертвоприношения любви», о котором теперь много говорят, а восторженные поклонники романа сравнивают его, частью с «Новой Элоидой» Руссо, частью с Sapho Кребильона. В этом произведении заключается загадка, и разгадывание ее составляет в настоящее время любимую игру светского общества. Но вы не можете принимать участия в этой игре, и чтобы увеличить в ваших глазах интерес романа, я сообщаю вам его разгадку: виконтесса де Сентанж – это красавица графиня Богарне. Она всегда окружена, хотя она уже не первой молодости. Она умеет выражать свои чувства не только нежным прикосновением губ, рук и своими объятиями, – что служило единственным убедительным доказательством для наших отцов, – но высказывает их и при посредстве типографских чернил. Для нас – не отрицаю этого! – эти откровенные признания женщины заключают в себе особенную прелесть. Они раскрывают перед нами ее способность к страсти, и нам нет надобности утруждать себя долгими и скучными поисками. Впрочем, если верить Лебрену, посвятившему графине-поэтессе следующие строфы:

Chloe belle et poète a deux petits travers:
Elle fait son visage, et ne fait pas ses vers...¹

...то она надувает своих поклонников. Но в романе она этого не делает. Шевалье де Версенэ, ее любовник, более достоин зависти, чем его живой прообраз г. де Пезэ. И он тоже пишет стихи и даже свои любовные письма пишет так, чтоб они годились для печати. Хотя его мать стирала когда-то рубашки для моей матери, тем не менее, он называет себя маркизом, так как знает выгоды этого. Самый ничтожный скоморох может быть уверен в своем успехе, если только он назовет себя, по крайней мере, бароном. Ради графини будем надеяться, что ее поклонник обязан своему происхождению, по крайней мере, хоть безукоризненностью своего белья.

Я вижу, как вы краснеете и с неудовольствием качает головкой, как тогда на балу герцогини, когда я освободил вас от наивного детского поклонения, заставлявшего вас буквально падать ниц перед каждым блестящим видением. Уже тогда, очаровательная Дельфина, в ваших глазах сверкали искорки задорной насмешки, в то время, как ваши щечки горели и ваш маленький ротик дрожал от сдержанного любопытства. Я смотрю на себя, как на человека, которому предназначено восполнить ваше, более чем недостаточное монастырское воспитание, и я должен позаботиться о том, чтобы вы не очутились на свободе несведущей, как птичка в неволе.

На свободе! Слушайте же, прекраснейший цветок Вогез. Говорят, что некто хотел бы пересадить вас в свой сад. Это значило бы отнять вас у воздуха, у солнца, у жизни и – я едва

¹ Хлоя, красавица и поэтесса, обладает двумя маленькими недостатками: она отделяет свое лицо, но не отделяет своих стихов...

осмеливаюсь выговорить это! – у моих рыцарских услуг, не стесняемых более никакими монастырскими правилами.

*Принц Фридрих-Евгений Монбельяр – Дельфине
Париж, 3 марта 1773 г.*

Вот я уже два месяца в Париже и еще не видал вас, моя драгоценная подруга! Я не знаю, какое чувство говорит во мне сильнее: неудовлетворенное, и потому с каждым днем разгорающееся страстное желание, или гнев на вашу ветренность, которая лишает меня вашей близости. Не опасайтесь, что я буду осуждать вас с видом строгого критика нравов. Я бы благословил вашу великолепную проделку и назвал бы ее божественной, если б она не только кончилась удачей, но прежде всего вызвана была бы тем, что маленькая монахиня, ради меня, хотела ускользнуть из монастыря. А я даже не знаю, в самом ли деле вас соблазнили обаятельные звуки скрипок на балу герцогини? Некто молча пожимает плечами, когда я хочу выпытать у него что-нибудь. Но порой он улыбается, и эта улыбка заставляет кровь приливать к моим щекам...

В надежде, что и я когда-нибудь буду иметь счастье увидеть вас, я стараюсь понравиться вашему отцу. Но, по-видимому один только маркиз Монжуа будет пользоваться привилегией вашего общества. Я стал уже так скромнен в своих желаниях, что сам навязываюсь ему, лишь бы только услышать рассказы о вас. И я снова злюсь, когда старый повеса ворочает глазами, приходя в восторг от «очаровательного ребенка!» Он прав, тысячу раз прав, говоря: «Все звезды Версаля померкнули перед блеском невинности ее глаз!» Но я бы хотел, чтобы только мне одному принадлежало право говорить это.

Кларисса Шеврез сказала мне, что вы интересовались знать нравится ли мне Париж? Только не смейтесь над моим ответом, дорогая подруга. Я не знаю, нравится ли мне он, знаю только, что он меня опьяняет! То, что составляло лишь редкие праздники в Монбельяре, здесь составляет жизнь. Весну, радовавшую нас в Этиопе, в течение нескольких коротких недель, Париж заставил служить себе из года в год. Пусть снаружи бушует метель, но кто же почувствует это, развалившись в карете на мягких подушках и переезжая из одного салона, пропитанного ароматом цветов, в другой? Что на свете есть нечто такое, как разочарование, старость – кто посмеет утверждать это при виде всех этих смеющихся лиц, розовых щечек, блестящих глазок? Я должен думать о своей матери, чтобы вспомнить, что на свете есть женщины уже не молодые! Со своими напудренными добела волосами, они как будто дерзко смеются над старостью, пользуясь как раз именно ее внешним признаком, чтобы увеличить привлекательность своей вечной молодости. То, что написано в стихах про герцогиню Лавальер, одинаково приложим ко всем:

La natyre, prudente et sage,
Force le temps de respecter
Les charmes de ce beau visage,
Quelle naurait pu repeter.²

Ах, ваш танец! Помните ли вы еще, как ветер в Этиопе пролетал над клумбами тюльпанов? Какое колыхание, какая игра блестящих красок, то загорающихся, то потухающих! Мне это казалось красивейшим из всего, что я видел когда-либо, пока я не увидел нечто еще более красивое. Когда в первый раз передо мной разверзся занавес оперы, и я увидел восхитительнейшую из всех сильфид m-ле Гимар, скользнувшую из белоснежных облаков на землю, откуда ей навстречу поднимался великий Вестрис, как будто для него не существовало никаких зако-

² Природа, осторожная и мудрая, заставляет время шадить прелести прекрасного лица, которое она не сумела бы повторить – фр.

нов тяжести, тут только я понял, что тюльпаны прикреплены к земле, а бабочки, порхающие над розовой изгородью, действительно, живые создания!

Ничто другое, так думал я, не могло превзойти в великолепии это зрелище. И вот, потом я приехал в Версаль на орденский праздник Людовика Святого. Владетельные французские князья и все французское дворянство собрались там. Имена их звучали в моих ушах, и каждое из них казалось мне камнем в храме славы Франции. А затканые золотом плащи, тяжелые короны, сверкающие бриллианты на головах и шеях женщин, являлись в моих глазах одним единственным символом ее неисчерпаемого богатства. Все колокола звонили. Целое море блеска заливало зеркальную галерею, как будто из всех дверей изливались потоки радуг. Воздух был наполнен шумом. Я не знаю, шумело ли это у меня в ушах, или действительно это был гул голосов, или же отдаленное пение? Появился король. Он шел под пурпурным балдахинном, с которого ниспадал дождь золота и жемчуга. На его голубой мантии блестели золотые лилии, и каждый его шаг сопровождался сверканием бриллиантов на его ногах.

Мой отец не любит короля. Сановники двора редко сходятся вместе, без того, чтобы не шушукаться друг с другом на его счет и не говорить при этом дурное про короля. Как часто я мечтал о героическом времени его великого предка, потому что я думал, что не могу служить никому другому. Теперь это было позабыто. Какая-то высшая сила властно заставляла все головы почтительно склоняться перед ним и не потому только, что это проходил мимо Людовик XV. Это был король Франции! Я так же присягнул ему, как это делали и мои предки.

Я бы мог исписать еще несколько листов, если бы захотел рассказать все, что я видел. Для меня все это было событием. И вот, я все-таки не знаю, станете ли вы, подруга моего детства, слушать меня теперь? Такая неуверенность доставляет мне глубочайшее страдание. Поэтому я и прошу вас ответить мне но, если возможно, не утруждая этим Гюи Шевреза. Я не могу больше выносить его улыбки.

Принц Фридрих-Евгений Монбельяр – Дельфине
Париж, 15 марта 1773 г.

Милейшая Дельфина, такое письмо мне? Чем я заслужил его? Вы бросаете мне упрек в ветренности, в измене? Я только что хотел нежно прижать к своему сердцу полученные мною от вас строки, но ваши колкие слова больно задели меня. Я был бы неутешен, если бы не думал, что скука вашего заточения сделала вас такой раздражительной, а болезненное состояние вашего отца привело вас в унылое настроение. Время пройдет, Дельфина! Ваш отец поправится, и ваши хорошенькие глазки будут снова мне улыбаться, когда вы узнаете, что даже ваша несправедливая суровость не могла изменить моих чувств к вам.

Маркиз Монжуа – Дельфине
Париж, 1773 г. День Благовещения

Вслед за кратким разговором в присутствии нашего дорогого больного, я отправляю вам это письмо, содержание которого должно вас познакомить с надеждами моего сердца, совпадающими в то же время и с желаниями вашего отца, моего дорогого друга. Как послушная дочь, вы отвечали согласием на переданное вам устами вашего отца мое предложение. В знак доверия ко мне вы безмолвно вложили вашу ручку в мою руку. Будьте же уверены, что я умею ценить высокое отличие, которого я удостоился, и что я приложу все старания, чтобы оказаться достойным вас.

Ваш отец несколько успокоился насчет участи своей любимой и единственной дочери, и на его положение особенно благоприятно повлияло то, что вы, как он знает, находитесь теперь под хорошей защитой. И вы, дорогая графиня, взирайте с таким же чувством уверенности в будущее, которое, поскольку это от меня зависит, должно быть для вас светлым и радостным. Молоденькая девушка, ничего еще не знающая, охотно мечтает о любви, которую умеют

так привлекательно описывать пошлые романы. Но на таких, большей частью скоропреходящих чувствах нельзя построить никакого брачного союза. Доверие, спокойная привязанность и, главным образом, согласование семейных интересов, сходство жизненных привычек – вот прочные основы брака. Поэтому не бойтесь, высокопочитаемая графиня, и не думайте, что я – человек много старше вас годами, желаю или ожидаю от вас страстных чувств какой-нибудь Юлии. Наша совместная жизнь и без этого будет вполне соответствовать достоинству и благородству наших чувств.

Как вы знаете, отец ваш желает, чтобы свадьба состоялась как можно скорее, и так как врачи не скрывают от нас серьезности его положения, хотя наша любовь к нему не допускает возможности такого печального исхода, но я все же еще раз присоединяю свою просьбу к его желанию не откладывать дальше этой церемонии, как вы, по-видимому, хотели сначала. Я понимаю, что вы, по своей крайней молодости, боитесь серьезности свершившегося факта, но я ставлю вам на вид, что имя маркизы Монжуа тотчас же, вместе со свободой, доставит вам и прочное положение в обществе и уверенность. Я имею намерение после свадьбы поручить мою супругу покровительству моей матери. Вы вступите в замок Монжуа, как его госпожа, но в то же время вы будете находиться под любящим покровительством и воспитательным руководством женщины, которая во всех отношениях может служить вам примером. Аббатство О-Буа мне кажется не вполне подходящим местом для вас теперь. Я желаю, чтобы в будущем вы могли противопоставить влияниям Парижа более твердый характер.

Могу я надеяться, что, спокойно обдумав все, вы будете склонны пойти навстречу нашим желаниям? Мой камердинер придет завтра за вашим ответом.

Ваша радость, вызванная бриллиантовым ожерельем, которое я позволил себе прислать вам в качестве моего первого маленького подарка, доставила такое удовольствие мне, что, в надежде на повторение, я осмеливаюсь сегодня положить к вашим ногам эту жемчужную нитку. Пусть она будет не только знаком того, что вы связываете себя со мной, но внушит вам также уверенность, что брачные цепи никогда не будут давить вас сильнее, чем эта жемчужная нить.

Владетельница замка Фроберг

Маркиз Монжуа – Дельфине

Париж, июль 1773 г.

Моя милая Дельфина! Ваше письмецо, которое я нашел в длинном письме моей матери, было мне очень приятно, так как из него я увидел, что вы имеете намерение постепенно избавиться от застенчивой робости, всегда испытываемой вами в моем присутствии.

Мне незачем повторять вам, что я не заслужил этого своим поведением, преисполненным требуемого уважения к вам, и что я не мог ожидать этого от вас, после того, как познакомился с вами, как с очень веселой и, пожалуй даже, чересчур бойкой молоденькой девицей. До сих пор я старался не обращать внимания на ваши частые припадки меланхолии, на вашу манеру целыми часами запирается в ваших покоях, что наносит нежелательный ущерб вашему достоинству в глазах слуг и дает повод ко всевозможным подозрениям и толкам. Я хотел видеть в ваших поступках лишь выражение глубокой печали по вашему уважаемому отцу. Но маркиза Монжуа, хозяйка моего дома, не должна поддаваться в течение столь долгого времени чувствам, приличествующим лишь маленькой девочке. Я бы желал, чтобы вы подумали об этом и выказывали бы больше сдержанности в вашем поведении.

Одно замечание, которое я нашел в письме моей матери, вынуждает меня особенно подчеркнуть это мое желание. Она пишет: «Моя милая невестка находит, по-видимому, большое удовольствие в беседах с m-г Гальяром. Из этого я заключаю, что вы, должно быть, позабыли то, что я говорил вам о положении Гальяра в нашем доме. Мой покойный брат, очень озабоченный судьбой своего незаконного сына, особенно достойного сожаления вследствие своей физической убогости, выразил в своем завещании желание, чтобы я доставил ему во Фроберге хорошее воспитание и постоянное местожительство. Само собою разумеется, что ему не могло придти в голову требовать, чтобы Гальяр был признанным членом нашей семьи. Моя мать и я постоянно старались удержать его в строго определенных границах почтительности, что не всегда бывало легко. Таким образом, Гальяр сделался не бесполезным домоправителем у нас, но, во всяком случае, он занимает только первое место среди наших слуг.

Однако, он желает, по-видимому, воспользоваться в своих интересах неопытностью и молодостью моей супруги. Поэтому я должен вменить вам в обязанность величайшую холодность и сдержанность по отношению к нему. По окончании вашего траура вы не будете иметь недостатка в развлечениях, а до тех пор вы должны воспользоваться временем, чтобы под руководством моей матери стать такой же строго воспитанной дамой, как она.

Чтобы доказать, что в своей заботливости о вас, я хочу также доставить вам радость, я сообщаю вам новость, которая должна вас заинтересовать. Я решил в том месте нашего парка, где вы желали бы иметь павильон, построить большое здание в современном стиле. Вы были правы: старый замок, со своими толстыми стенами и маленькими окнами, не отвечает более нашему вкусу, и хотя страх, который вы, по вашим словам, испытываете в нем, является лишь продуктом вашего воображения, но я согласен, что дворец в стиле Трианон был бы более подходящей для вас рамкой.

Я употребил свои часы досуга на осмотр новейших и наиболее замечательных частных отелей Парижа. Наиболее мне понравился отель танцовщицы m-ле Гимар, которую, конечно, я никогда не посетил бы, если бы не должен был просить ее походатайствовать за нашего аббата Морелли перед монсеньором де Жарант, который исполняет все ее прихоти. Она была необычайно любезна и показала мне во всех подробностях свой только что законченный дворец. Это настоящая драгоценная безделушка. Каждый стул, каждая тарелка указывают на изысканный вкус. Первейшие художники участвовали в его создании, и я считаю доказательством высоты нашей культуры, что жрецы искусства отдают свои дарования на службу повседневной жизни.

По рекомендации Гимар я завел переговоры с архитекторами Леду и Белизаром. Они должны прибыть со мной во Фроберг, чтобы на месте составить планы.

К сожалению, мой приезд откладывается еще на некоторое время: я бы хотел подождать исхода процесса Моранжье, интересующего в данную минуту всех и разделяющего общественное мнение на два лагеря, которые всегда существуют, но, к сожалению, слишком часто сглаживаются: на двор и дворянство, с одной стороны, и на буржуазию и выскочек – с другой. И не потому только я заинтересован этим процессом, что маркиз – мой личный друг! Мне это дело кажется в высшей степени типичным для наших современных условий. Общество каких-то торговцев обвиняет кавалера, принадлежащего к самому старинному дворянству, в бесчестных поступках, шайка писак и так называемых философов служит этим охотникам вместо своры, а парижская чернь со злорадством взирает на это и готова наброситься на дичь, как только она падет на землю!

В виду таких условий, особенно противно видеть, как не только аристократы братаются с буржуазными выскочками, но, к сожалению, и двор подает такой же дурной пример. Традиции бесцеремонно выбрасываются за борт, если надо дать место какому-нибудь финансисту, хотя бы самого темного происхождения. Испытанный этикет великого короля нарушается без колебаний, если какая-нибудь иностранка, купившая себе за деньги какого-нибудь обедневшего маркиза, вдруг заявляет претензию быть представленной ко двору. И у меня невольно возникают опасения, что молодой двор, на который я возлагаю такие большие надежды, мало внесет перемен в этом направлении. Дофина выбирает свой круг, руководствуясь только желанием веселиться, а ее супруг обнаруживает всякого рода буржуазные наклонности, которые, правда, позволяют заключить, что будущий король будет тратить на несколько миллионов меньше, но зато представительный блеск королевства еще более померкнет. А между тем, этот блеск, который должен окружать его, как золотой, усыпанный драгоценными камнями покров на алтаре, необходим для того, чтобы удерживать народ в лоне церкви в благоговейном отдалении от главного алтаря, на котором царит монарх. Чем больше народ будет замечать, что там наверху тоже люди, тем сильнее он будет желать обращаться с ними, как с равными.

Простите меня, моя дорогая, что я нагоняю на вас скуку своими рассуждениями, которые не столько предназначаются мною для вашей детской души, сколько для зрелого ума моей матери. Пусть же она дальнейшее объяснит вам сама.

Граф Гюи Шеврез – Дельфине
20 июля 1773 г.

Напрасно искал я, прекраснейшая маркиза, в вашем письме к Клариссе хотя бы малейшего признака, что я сохранился в вашем воспоминании! В самом ли деле я вам так безразличен? Или же призрак вашей прежней гувернантки взирал на вас, когда вы писали это письмо, преисполненное столь холодного достоинства, что его бы, наверно, устыдилась очаровательная воспитанница аббатства О-Буа? Я бы противостоял эгоистическому стремлению пасть к вашим ногам, но не могу отказаться от рыцарского долга освободить даму моего сердца от злых духов старого Горного замка. Только ваше решительное запрещение может удержать меня, и я не буду сопровождать мою сестру в ее поездке к вам, которую, однако, она не может совершить без моей защиты. Будьте уверены: с первой же улыбкой, которую мне удастся вызвать на ваши коралловые уста, вернется и воспоминание обо мне, как о вашем первом почитателе. А вы должны, вы будете улыбаться, как только легкое дуновение парижской атмосферы коснется ваших розовых щечек!

Парижский воздух пропитан легкомыслием, возбуждением, страстью! Он точно шампанское, которое играет и искрится в бокале, и кто постоянно вдыхает его, тот всегда находится в состоянии опьянения. Существуют салоны, которые так насыщены этим воздухом, что пульс

начинает сильнее биться, как только переступаешь их порог. Осмелюсь ли я предложить вам руку для прогулки вдвоем в одном из самых восхитительных таких салонов?

Мы проходим по темной тисовой аллее к тихому пруду, который омывает роскошные тела каменных нимф. Маленький замок, нет, это скорее мечта, сотканная из мрамора и золота, встает перед нами. Стройные колонны поддерживают усыпанный звездами потолок портика. На фризах, украшающих двери, ликующие вакханки размахивают тирсами. Эти двери широко раскрыты. Оттуда льются потоки света, благоуханий, смех и пленительная музыка. Стены залы, в которую мы входим, сделаны из белого мрамора с золотыми пилястрами и перед высокими зеркалами, в каждом из восьми углов комнаты, стоят на цоколях из малахита бронзовые фигуры женщин в натуральную величину, со светильниками в руках. От них исходит яркое сияние и сливается с блеском свечей хрустальных люстр. На потолке волшебная кисть Друэ воспроизвела весь Олимп, но грации и музы, даже сама Венера, затмеваются красотой смертных женщин, находящихся внизу. С галереи, вверху, несутся звуки хора мальчиков – Адонис и Ганимед не могли бы быть более восхитительны! – поющих сладостные песни Гретри. Вокруг к золотой баллюстраде прислонились дамы в очень низко декольтированных платьях, с веерами в руках. А внизу, вокруг стоящего посередине и богато убранного цветами, дорогим фарфором, серебром и кружевами стола собралось изысканное общество графинь и маркизов, принцев и герцогинь. Их глаза, бриллианты, щечки, шелковые платья и золотые парюры соперничают в блеске друг с другом, а пышные груди своею белоснежностью приводят в смущение мерцающую белизну жемчуга, нежно прильнувшего к ним. Хаотическое изобилие красоты и богатства должно было бы утомить глаза и заставить их сомкнуться, если б они не были прикованы к одному светлому видению, в котором, как в фокусе, соединились все взоры. Посреди стола царит сама Венера, – та, которую благодетельная волна вынесла на земной берег из неведомых глубин...

Осмелюсь ли я шепнуть вашему целомудренному ушку имя, которое богиня избрала для своего возрождения во Франции? Это графиня Дюбарри!

Вы ужасаетесь! Но, как лояльная француженка, можете ли вы ужасаться? Разве вы не знаете, что ваш король возвысил ее до себя и что канцлер, министр финансов и первые дамы страны принадлежат к ее двору? И разве вы сами не обязаны ей благодарностью за то, что она вызвала падение Шуазеля, министра философов и свободомыслящих, и вновь укрепила влияние церкви, подвергавшееся опасности?

Вы смеетесь – наконец-то! Пафос высшей политики так же мало идет лицу Гюи Шеврезу, как и вам напыщенная важность хозяйки Эльзасского замка. Я не спрашиваю ни о заслугах, ни о грехах графини Дюбарри, как не спрашивал и король о происхождении своей богини. Она нас забавляет, и в этом заключается достаточное основание для ее существования. По-видимому, мы нуждаемся в том, чтобы из недр народа, от времени до времени, появлялся такой свежий источник, иначе мы, бедные, с незапамятных времен прикрепленные корнями к одной и той же почве, могли бы зачахнуть от недостатка влаги.

Перестаньте же возмущаться, прелестная маркиза! Там, в круглом салоне, с зеркальными стенами, отражающими бесконечное число раз любовные сцены, которыми кисть Фрагонара украсила сводчатый потолок, народная плясунья Курмилль вертится, изображая смешной танец предместья. Скоро изящные ножки принцесс присоединяются к танцу и, соперничая с нею, откалывают *фрикассе*. Это уже не менуэт, который танцуют на кончиках пальцев с изящными почтительными поклонами. Это хватание и дергание, изгибание и колыхание тела, полное самых пылких вождений.

Вы краснеете? Пойдем же дальше, прелестная Дельфина, пойдем через китайскую галерею, с ее вазами, птицами и драконами, в театральную залу. Перед этой сценой иногда даже парижанки стыдливо прикрывают веером лицо. Расина и Мольера не играют больше и уже не приглашают актеров королевского театра. «Истина в вине» Колле внезапно доказывает нам,

что мы, вопреки всякому этикету, еще не разучились смеяться от души, а ларрине, уличный певец, заставляет нас в своих куплетах издеваться над самими собой, между тем как Одэн, бог кутил, своими романсами преступников нагоняет на нас содрогание ужаса – чувство, до сих пор нам неведомое.

Дыхание ваше ускорится... Вы цепляетесь за мою руку. Теперь уже вы сами хотите видеть еще больше... Требуете большего! Но мы должны уйти. От этой тяжелой бронзовой двери, по крайней мере, в данную минуту, только у короля имеется ключ!

Притом уже наступила ночь, и волшебное царство в Лувесьене погружается в темноту.

Кто же вы думаете теперь в «благодетельном одиночестве Фроберга», о «приятном общесте благородной, благочестивой матери»? Вам не к лицу черное домино, госпожа маркиза?..

Я бы хотел, чтобы и ваша душа облачилась в светлые солнечные одежды. Поэтому мне так трудно исполнить ваше единственное желание, высказанное вами моей сестре, прислать вам новые романы. Наши писатели теперь не что иное, как ветошники. Они копаются в грязи страданий и нищеты, и если вы находите у них случайно лоскут прошлого, то и он неизменно бывает черного цвета и изодран. Они стараются все страдания мира заключить в узкие рамки одного рассказа. Они воображают, что нам они кажутся необыкновенно глубокомысленными, между тем как они только скучны, раздражительны и слабы. Лица у них вытянуты, глаза потуплены и углы рта опущены. И эти философы воображают, что похожи на англичан, которые в настоящее время пользуются у нас еще большим влиянием, чем они!

До своего приезда в Фроберг я постараюсь найти что-нибудь истинно французское и поэтому веселое, но так как красивые женщины любят книги только тогда, когда у них нет поклонников, то, я надеюсь, вы освободите меня от этого поручения.

Простите мне это бесконечное письмо. Так сладостно, хотя бы в мыслях, находиться вблизи вас, что как-то невольно стараешься отсрочить расставание.

Граф Гюи Шеврез – Дельфине

26 июля 1773 г.

Ваше розовое письмо, прекраснейшая маркиза, повергло меня в бурный восторг. Я не буду давать покоя ни днем, ни ночью портнихе моей сестры, чтоб она, как можно скорее, приготовила ее сельские туалеты, и наш приезд в Фроберг мог бы ускориться. С тех пор, как я знаю, что вы «с радостью» ожидаете нас (ах, зачем вы всегда говорите «нас», вместо того, чтобы хоть один единственный раз упомянуть только обо мне?), я не имею ни минутки покоя. Мои сундуки уже уложены. Лучшие любовные истории, какие только я мог найти – кто же может читать что-нибудь другое, находясь в вашей близости? – новейшие песенки, остроумнейшие куплеты, я уже запрятал в дорожной коляске. Я разыскиваю самых быстрых лошадей. Но даже, если б они могли лететь, мое страстное желание всегда опередит их.

Еще одна просьба, с которою я осмеливаюсь обратиться к вам, но не ради себя, а ради той, которая слишком робка, чтобы высказать вам ее – ради моей сестры Клариссы. Вы знаете, что шевалье де Мотвилль домогается любви моей сестры и что его верная преданность победила ее сердце. Она утверждает теперь, что должна будет умереть, если ей не удастся победить сопротивление моей матери. Согласитесь ли вы оказать Клариссе дружескую услугу и пригласить шевалье одновременно с нами во Фроберг, чтобы доставить ей возможность встретиться с тем, к кому так стремится ее сердце? Вы не должны опасаться, что де Мотвилль будет вам в тягость. Он не обратит внимания даже на богиню любви, если его возлюбленная будет находиться возле него.

Будьте готовы, прекрасная маркиза, увидеть ваших гостей почти вслед за этим письмом.

Маркиз Монжуа – Дельфине

Париж, 5 августа 1773 г.

Моя милая Дельфина! Как могли вы так истолковать мое письмо, написанное с самыми добрыми намерениями? Я менее всего желал бы вызывать слезы на ваших глазах. Будьте уверены, что я не имею желаний ни «ограничивать вашу свободу», ни превращаться из супруга в «школьного учителя». Я хочу лишь руководить вами так незаметно, как только возможно, и моя мать, конечно не имеет другого намерения. Если бы вы выказали немного более доверия, немного более детской любви, вместо высокомерия и запальчивости, то дело не дошло бы до таких неприятных объяснений. Может быть, моя мать поступила слишком строго, отклонив визит графа де Шеврез, но в виду вашего семейного траура и моего отсутствия это, конечно, вполне понятно. Меня даже немного позабавило, что вы по этому случаю вдруг вспомнили о своем положении, как хозяйки дома, и отдали приказание приготовить комнату для гостей. Моя мать очень оскорбилась и написала мне письмо, но я думаю, что мой ответ, в котором я ей доказываю, что моя супруга имеет право на некоторую самостоятельность даже по отношению к ней, должен был ее успокоить.

А ваш гнев, моя дорогая, я надеюсь несколько смягчится, когда вы познакомитесь с содержанием маленького сундучка, который передаст вам мой курьер.

Я сам был у m-те Бершен, которая принимает в своей мастерской, точно герцогиня. Самые красивые девушки должны были показывать мне новейшие модели костюмов. Удивительно, что и здесь мода все более и более отдает предпочтение легким и мягким материям, вместо прежних тяжелых и не гибких! Теперь на улицах показываются в таких костюмах, в каких наши бабушки посовестились бы показываться даже дома. Я почти готов был бы отказаться от такой моды, если бы не представлял себе, как хороша должна быть моя Дельфина в этих мягких одеждах, так просто облегающих ее стройную фигуру! Как соблазнительно должны выглядеть эти кисейные косынки, эти шелковые шали, которые обовьются вокруг ее белой шейки. Я побывал у m-г Бурбона, башмачника дофины, и передал ему на мерку ваш башмачок. Если бы вы видели его восторг, но, конечно, не по поводу башмака, который он назвал плохим, а по поводу маленькой ножки, для которой он был предназначен. «Еще меньше, чем у принцессы Геменз, а подъем еще выше, чем у маршалши Мирфуа!» – воскликнул он и прибавил: «Мы должны будем покрыть эту ножку драгоценностями». Я вынужден был согласиться, чтобы он усеял драгоценными камнями свои изящные произведения башмачного искусства.

У m-те Мартен я приобрел баночку севрского фарфора с индийскими румянами, а у Боляра, куафюры которого далеко превосходят изяществом и вкусом куафюры старого Белу, я взял баночку новой золотой пудры.

Останусь ли я все тем же, внушающим робость гофмейстером, или же я могу надеяться, наконец, на благосклонную улыбку?

К сожалению, я могу получить ответ на этот вопрос только через несколько недель. Мои дела еще не кончены.

Я говорил вам, в свое время, о m-г Бужоне, банкире двора. Такие люди, как принц Роган, безгранично доверяют ему, поэтому и мне пришлось преодолеть мое несколько старомодное воззрение, что дворяне не должны заниматься денежными делами, и самому вступить с ним в переговоры. Его обхождение со мной было безупречным, и, вероятно, я уже пришел бы с ним к какому-нибудь решению, если бы вчера не принял его приглашения посетить его роскошный дом в Елисейских полях. Но впечатление, вынесенное мною, было в высшей степени неприятное. Ни один королевский принц, не имеет такого дворца, как этот выскочка! Все художники, по-видимому, предоставили свое искусство к его услугам. Общество, которое он принимает у себя, первое в Париже по знатности и умственному превосходству, а то, с каким оттенком преданности и почтительности все обращаются с ним, заставляло мою кровь закипать от негодования. Около молодых дам его семьи теснятся камергеры и офицеры, носящие громкие, старинные имена, и этим дамам, по-видимому, достаточно протянуть руку, чтобы получить какую-нибудь графскую или герцогскую корону. Мы уже так далеко зашли, что не только должны

переносить этих финансистов, не только держать себя с ними, как с равными в обществе, но даже настолько опустились, что составляем их придворный штат. И самое печальное то, что Версаль уже не служит опорой для старых, строго аристократических воззрений, которых я продолжаю до сих пор держаться!

На следующий же день после ужина у Бужона я прервал с ним всякие переговоры и вступил в сношение с его соперником Сент-Джемсом, в лице которого финансист соединяется с дворянином. Притом же он очень близок с правительством и то, что он сообщил мне интимным образом, только подтвердило мой пессимистический взгляд на внутреннее положение страны.

Само собою разумеется, что я не был в очень радужном настроении, когда в тот же день получил приказ ехать в Компьень, где находится двор в данную минуту. Замечу вскользь: эти непрерывные переезды короля с места на место, обнаруживающие в его возрасте все возрастающее беспокойство и болезненное стремление к переменам, наводят страх на генерал-аудитора финансов. Свита всегда бывает громадна, а гостеприимство, которое оказывается личным гостям его величества, должно быть безграничным. Крупные финансисты, охотно приходящие на помощь двору в его частых денежных затруднениях, конечно, пользуются там наибольшим почетом.

В день моего приезда в Компьень я узнал, что столько раз откладываемое под влиянием дофины представление ко двору юной виконтессы Дюбарри, при посредстве графини Дюбарри, ожидается как раз сегодня. Я бы нашел какой-нибудь предлог и отложил бы свой приезд, если бы знал об этом раньше, потому что присутствовать при новой победе этой авантюристки мне было противно до последней степени. Но теперь я вынужден был остаться и это потребовало от меня большой дозы самообладания. Двор замка и галереи были переполнены, и я думаю, что не ошибусь, если скажу, что никто не возбуждает столько любопытства, преисполненного завистью и восхищением, как куртизанки. Доказательством служит поспешность, с которой придворные дамы подражают всяким новым странностям в туалете и манерах этих особ.

Но я не стану отрицать: графиня поразила меня не столько своей красотой, сколько безупречностью своих манер и достоинством, с которым она встретила явно выраженную холодность дофина и дофины. Она ничем не выдавала, даже в отношении короля, свою близость к нему. Многие светские дамы, пренебрегающие подчас хорошими манерами, могли бы брать с нее пример, как надо держать себя.

Вечером было большое собрание в замке. Я очень обрадовался, когда увидел маршала Моранжье, которому все приносили поздравления, так как только что состоялось его оправдание. Его история служила главным предметом разговоров, и все были согласны, что в этом деле гг. Лентэ и Вольтер сыграли главную роль. Лентэ – перворазрядный адвокат и писатель, но, по видимому, беспринципный человек. У него конек всегда идти наперекор всеобщему решению народа и поэтому он превратился из республиканца и свободомыслящего в защитника аристократических и клерикальных интересов. Что г. Вольтер поддерживал его в деле Моранжье – это удивило всех, знавших прошлое этого философа. Странное впечатление производит то, что этот знаменитый человек, неизвестного происхождения, вдруг выступает в своем памфлете защитником французского дворянства и возвышает свой голос, к которому все прислушиваются, призывая герольда на защиту нашей чести. Он достиг того, что все честолюбивые лавочники открыто объявили себя принадлежащими к партии Моранжье, для того лишь, чтобы их сочли за дворян. Что касается меня, то такое поведение обоих писателей, – хотя я и должен одобрить его, – усиливает мое презрение к этого сорта людям. Я убежден, что если бы всех философов и «друзей народа» во Франции втянули бы в интимный круг придворного общества, вместо того, чтобы сжигать их книги, то нам не нужно было бы так бояться их.

Насколько подстрекательства этих подозрительных писак уже успели подействовать на парижский народ, мне стало ясно из той бурной сцены, свидетелем которой я был в Comédie française, спустя несколько дней после окончания процесса Моранжье. Шла пьеса «La

Rèconciliation normande», и когда были произнесены слова: «В темном деле судьи, которым хорошо заплачено, видят лучше нас...», то в зале поднялся такой оглушительный шум, что нельзя было продолжать представление. Топали ногами, бесновались, выкрикивали обидные замечания по адресу Ленгэ и Вольтера... Я не понимал только одного: почему полиция не сочла нужным вмешаться!

Порадуемся же, дорогая Дельфина, на наших мирных эльзасских крестьян, среди которых еще не пошатнулся авторитет церкви и государства. Ведь только он служит оплотом против натиска испорченной столичной черни.

Я буду счастлив снова вкусить мир во Фроберге и получить наконец, возможность прижать к моему сердцу его прекрасную хозяйку...

P.S. В Компьене я видел принца Фридриха-Евгения, но он так явно избегал меня и так формально и принужденно ответил на мой поклон, что я не считал возможным заговорить с ним. Очень сожалею об этом. Я получил бы такое удовольствие, если б я мог разговаривать о вас, дорогая Дельфина, с товарищем ваших детских игр!

*Граф Гюи Шеврез – Дельфине
Аббатство Ремиремон, сентябрь 1773 года*

Прекраснейшая маркиза! Я бы с радостью приветствовал самое неприятное происшествие, если б оно доставило мне случай написать вам раньше, чем это я делаю теперь. Насколько это было бы приятнее для меня!

Недалеко от Ремиремона сломалась ось нашей кареты. Мы отправили одного из наших слуг в аббатство, и вскоре оттуда нам был прислан экипаж принцессы Христины, запряженный четверней, который и выручил нас из нашего бедственного положения...

Целый цветник очаровательных женщин приветствовал нас в элегантных покоях этого, в самом широком смысле слова, светского женского монастыря. Широкие голубые ленты ордена Св. Ромарика виднелись поверх пестрых корсажей воспитанниц, а черные плащи были обшиты горностаем. Все казались очень разгоряченными, и так как я, к сожалению, не мог ласкать себя надеждой, что яркий румянец щечек и блеск глаз вызван моим появлением, то и приписал это действию слишком обильной трапезы, стараясь только воспользоваться этим и увеличить это действие своей любезностью и остроумием. Но скоро я был вразумлен моей соседкой за столом, прелестной маленькой блондинкой, объяснившей мне, что они уже в течение нескольких недель добиваются изменения монастырского устава, чтобы получить право выборов в монастырский совет. Чем шутивее я относился к этому делу, тем громче раздавался ее птичий голосок. Другая, столь же воинственная молоденькая дама, просвещала в этом отношении Клариссу, сидевшую против меня, а когда мы вечером спустились в сад, то я узнал, к своему изумлению, что принцесса, несмотря на свои годы и ранг аббатиссы, тоже находилась на стороне молодых.

– Мы предпочитаем, – сказала она, – чтоб эти девушки получили право спорить в зале заседаний, вместо того, чтобы интриговать за запертыми дверями. Именно это-то и приучает женщин к закулисной политике, составляющей несчастье Франции.

И вот, в стенах Ремиремонского монастыря завязался политический спор, точно в садах Пале-Рояля, в Париже, с тою только разницей, что здесь дамы, принадлежащие к самому старинному дворянству, горячились по поводу вопросов, которые там вызывают словесные поединки между адвокатами, философами и разными шалопаями. Я показался бы себе совершенно лишним в этих спорах, если б они не вызвали у меня желания обезоружить юных амазонок своею изысканною любезностью и ухаживанием и сыграть им на руку. Моя скромность не позволяет мне описать вам результат, достигнутый мною, и я предоставляю вам самим нарисовать его себе. Ведь и в вас самих постоянно происходит борьба между воинственностью амазонки и покорностью нимфы!

Как вы дурно обращались со мной! И как мало сумели вы залечить раны, нанесенные вами! В высоких покоях вашего ужасного старого замка, между его неуклюжими стульями и темными шкафами, вы казались мне такой неприступной, такой важной! Ваши губы были бледны, ваш взор удерживал меня в отдалении, и ваши руки были холодны, как лед. Если же окованная железная дверь закрылась за вами, Клариссой и мной, и мы уходили далеко в залитый солнечным светом парк, куда не достигали взоры старой маркизы и голос г. маркиза, то жизнь снова возвращалась в ваши мраморные члены и вы оживлялись. Но я не мог похвастаться, что был Прометеем, зажегшим в вас пламя новой жизни. Ваши глаза улыбались, но – ах! – улыбались не мне. И все же для меня незабвенна каждая минута, которую я провел с Дельфиной, и еще незабвеннее были те минуты – такие редкие, – которые я провел с нею одной!

Отчего вы не исполнили моей просьбы и не пригласили Мотвилля? Отчего вы все-таки не поняли меня? Ведь одного чтения Буффле, Прево и Мариво было слишком недостаточно, чтобы занять Клариссу!

Все мои рыцарские услуги не в состоянии были достигнуть того, что могла сделать страсть и печальная участь героинь романов. Они-то, по крайней мере, заставили вас понять любовь вашего поклонника. О, Алина, Манон и Марианна, я бы покрыл цветами ваши могилы, если бы мог их найти! Вам я обязан, что розовые ушки Дельфины слушали меня, когда я говорил о своей любви, и она, после долгой, долгой мольбы, не отняла своей руки – единственная благосклонность, оказанная мне! – и позволила мне прижаться к ней моими горячими устами.

Не сердитесь на то, что воспоминание об этой минуте так волнует меня. Прекрасным парижанкам придется употребить немало усилий, чтобы сгладить болезненные следы. Но им не удастся изгнать сладостное воспоминание и надежду, вызванную этим мгновением. Не растопит ли жаркое дыхание Парижа тот лед, который окружает сердце прелестной маркизы?

Должен ли я надеяться, что вы осчастливите меня несколькими строками вашей прекрасной руки, чтоб окончательно не порвалась столь еще тонкая нить, образовавшаяся между нами? С мольбой целую я эту руку, но надеюсь, что скоро поцелую ее с благодарностью!

*Граф Гюи Шеврез – Дельфине
Париж, 21 февраля 1774 г.*

Наконец, прекраснейшая маркиза, письмо от вас! Я уже перестал на него надеяться. Я боролся с собой, не зная, должен ли я вам еще раз напомнить о себе и боясь, что я покажусь вам навязчивым. Правда, не очень-то лестно для меня, что вы ради скуки пишете мне, и я не знаю, удастся ли мне прогнать эту скуку, тем более, что теперь в Париже – это общая болезнь.

Болезнь короля точно кошмар нависла над двором Версаля. Патеры, вроде аббата Бове, монахини, вроде m-me Луизы, поочередно пользуются там влиянием. Всякого рода темные личности впускаются в задние двери дворца, так как его величество сделался очень суеверным и хочет, чтоб ему гадали. Лишь на несколько часов, самое большее на день, удается красавице-вакханке Дюбарри прогнать его меланхолию. Все дрожит кругом него частью из боязни, частью в надежде на что-то, и многие здесь производят на меня такое впечатление, как будто они уже уложили тайком свои сундуки. Только во внутренних покоях дофины и в самом тесном придворном кругу еще слышится смех, игры, танцы. Веселье, по-видимому, укрылось в маленьких отелях Дютэ, Гимар, Рокур, а с ним удалились туда и некоторые веселые дамы общества, не ко вреду для себя, так как только там можно научиться, что такое удовольствие и что – любовь.

Я еще не забыл вашего изумления по поводу того, что все героини романов, с которыми я познакомил вас – куртизанки. Если бы вы не жили, точно в заточении, в своем старом замке – новый дворец еще не скоро будет построен, павильона же, который я советовал вам выстроить только для себя, вам придется, наверное, ждать еще дольше, – то вы скоро уяснили бы себе,

как многие, причину этого явления. Ведь эти девушки свободны! Никакие ножницы этикета и приличий не урезают их чувств, для того, чтобы они, подобно штамбовым акациям, благопристойно стояли в ряд на своих местах. Никакой супруг не делает из них своей частной собственности, вроде своей собаки, которую он так выдрессировал, что она, даже умирая с голода, не возьмет куска хлеба из рук другого.

В отеле Рокур, этой несравненной актрисы, введенной в моду герцогом д'Аржансон, у ног которой теперь находится половина Парижа, и в отеле Гимар – танцовщицы, пускающей в ход все свое искусство и все свое очарование, чтобы не уступить своей опасной сопернице, – я часто встречал нашего общего друга, принца Фридриха-Евгения. Полный мыслями о вас, прекрасная маркиза, я бы мог не переставая говорить о вас, но молчаливое спокойствие, чтобы не сказать, равнодушие, с которым принц слушал меня, могло бы заставить меня подумать, что между вами произошла ссора, если бы не непонятная запальчивость, внезапно высказанная им, по поводу моего невинного замечания, что «очаровательная маркиза скоро превратит старый угрюмый замок Фроберг в цветущий французский Mont de joie³.

Он увидел в этом замечании какое-то оскорбление вашей личности и тотчас же выступил вашим защитником. Он так хорошо сыграл роль вашего старого друга – единственного, имеющего право вступаться за вас, – что я не знал, что и думать, а малютка Гимар многозначительно улыбалась, слушая его.

Я бы желал для вас, чтобы вы, хоть на короткое время, познакомились с этой очаровательной танцовщицей. Она часто напоминает мне вас своими мягкими телодвижениями и своей манерой медленно поднимать густые ресницы, прикрывающие ее темные глаза. Только ее тело, согласно новейшей английской моде, не стеснено никакими оковами и так же свободно, как свободна ее привязанность и ее нежность.

– Кто не умеет быть расточительным в любви, тот сам нищий, – сказала она недавно одной маленькой графине, пожаловавшейся ей на непостоянство своего возлюбленного. Она прибавила с насмешкой: – Кормите его и дальше милостыней ваших небесных взглядов и пожатиями руки, тогда он неминуемо превратится в вашего злейшего врага и революционера, подобно голодающему и зябнущему народу Парижа, смотрящего на горящие костры, зажигаемые важными господами в угоду вам, перед вашим дворцом, и на крошки хлеба, которые вы ему бросаете!..

Мое письмо должно будет разочаровать вас, и я боюсь, что оно ни на минуту не прогонит вашей тоски и, пожалуй, даже еще усилит ее. Я настолько жесток, моя красавица, что почти желаю этого, потому что вы так упрямы (или так кротки?), что должны сначала почувствовать себя чрезмерно несчастной, чтобы избавиться от этого несчастья.

Люсьен Гальяр – Дельфине

Париж, март 1774 г.

Высокопочитаемая маркиза! Я загнал двух лошадей. Произошло ли это от тяжести моего горба или от моих острых шпор – вопрос остается открытым. Я даже не почистил своего платья, не пил и не ел и прямо ворвался в дом. Камердинер принца Фридриха-Евгения, только получив два луидора, решил поверить моей честности.

Вашей милости тревожиться нечего. Чернильная душа писаки в «Mercure de France», естественно, хотела заставить провинцию задрожать от страха. Никакой опасности для жизни нет. Кончик шпаги графа Гюи Шевреза только немного порезал щеку его сиятельства принца и заставил его потерять несколько унций крови. Но это даже принесет ему пользу, так как охладит слишком большой пыл принца.

³ Непереводаемая игра слов. Froberg по-немецки значит то же, что Mont de joie по-французски – гора веселья. (Прим. перев.)

О причинах дуэли с достоверностью ничего неизвестно даже камердинеру, преданную дружбу которого я приобрел при помощи еще нескольких луидоров. Одно, по-видимому, верно, что ссора произошла в отеле m-lle Гимар, той самой красивой дамы, которую вчера принимал принц. Очевидно, в Париже теперь вошло в моду принимать в постели, и даже мужчины большого света дают в постели свои аудиенции.

Но меня, конечно, не приняли, потому что вы не позволили мне назвать никому другому, кроме принца, имя той, которая послала меня. Впрочем, тут виновата моя собственная глупость. Завтра я перемену простое имя Гальяра на какое-нибудь другое, увенчанное семи или девятизубчатой короной, и тогда меня впустят не в заднюю дверь, а широко откроют передо мной парадные двери.

Я пошлю тогда, вслед за сегодняшним, второго курьера с письмом.

Позвольте мне выразить вам мою неизменную благодарность и преданность. Я жалею, что, кроме пары лошадиных ног, ничем больше не могу пожертвовать для вас.

Люсьен Гальяр – Дельфине

22 марта 1774 г.

Высокопочитаемая госпожа маркиза! Только что посетил принца. Мое сообщение заставало его привскочить на постели. Я мог при этом убедиться, как еще много здоровой крови наполняет его жилы, так как лицо его запылало как огонь, лишь только я произнес ваше имя.

– Напишите вашей повелительнице, – сказал он, – что я ничего так страстно не желаю, как быть действительно больным при смерти, чтоб ее трогательная заботливость могла вернуть меня к жизни.

Он не отпускал меня почти три часа. Он не переставал расспрашивать меня, слушать меня. Я должен был порадоваться тому, что ваш образ так – неизгладимо запечатлелся в моей памяти, и поэтому я мог изобразить в словах каждый ваш взгляд, каждую улыбку, каждое движение. Его сиятельство даже уверял меня, что никакие краски Буше не в состоянии более жизненно и ярко передать ваш образ, чем это сделали мои слова. Какая-то м-мль Рокур велела доложить о себе во время моего визита. Но он с такой презрительной миной уклонился от ее посещения, что если б она это видела, то, наверное, больше не явилась бы к нему.

Я посетил сегодня мою больную мать. Мне незачем рассказывать сказки господину маркизу. Ее желание видеть меня было так же велико, как мое. Только, когда она убедилась, что я явился к ней не для того, чтоб требовать от нее что-нибудь, ее материнская нежность внезапно проснулась. В общем, ей живется хорошо. На деньги своего возлюбленного, которому, благодаря несчастной случайности, я обязан своей жизнью (я понял только тогда, что должен быть ему благодарен за это, когда мне представилась возможность служить вам), – мать моя арендовала кафе-ресторан в саду Пале-Рояля. У нее собираются величайшие говоруны Парижа. В один час я наслушался там больше, чем мог передумать во всю свою жизнь, хотя, как вашему сиятельству известно, мне всегда оставляли много времени для размышлений. Ведь я был незаконнорожденный, и поэтому господа и слуги одинаково избегали меня! Но этим именем, которого я стыдился, я могу теперь похвалиться, на основании моих новых познаний. «Незаконнорожденные умы», – этим именем один из посетителей m-me Гальяр, в котором я узнал бывшего гофмейстера принца Фридриха-Евгения, господина фон Альтенау, – назвал всех просветителей, писателей и философов, которые стоят между народом и дворянством, но не как соединяющий, а как разрушающий элемент. Что излагали в своих произведениях Вольтер, Руссо, Дидро, и как их там всех называют, – я в первый раз слышал их имена, – то другие распространяют теперь в народе посредством газет, памфлетов и речей. Поэтому в каждом маленьком трактире, лавочки и ремесленники рассуждают о политике и философствуют. О короле говорят так, как будто он уже умер. Возникают горячие споры за и против тех людей, которые призывает дофин. Есть такие, которые полны надежд на будущее и ждут наступления

славного времени и конца всех бедствий. Большинство уже скептически улыбается и молча пожимает плечами, слушая такие речи. Для такого, как я, перенесенного сюда из своего пожизненного одиночного заключения, все это носит характер какого-то лихорадочного сновидения. Когда я проходил весной по садам Фроберга, то порою испытывал такое ощущение, как будто предстоит что-то чудовищное, огромное. Но потом я вовремя вспоминал, что таким калекам, как я, не дожидаться этого. Здесь же я испытываю смутное ощущение, что для восприятия того великого, что предстоит, нужен прямой ум, а не прямое тело...

Ваша милость научила меня, всегда молчаливого, говорить и поэтому вы должны простить мне, что я становлюсь все болтливее и болтливее.

Я жду, согласно уговору, дальнейших приказаний вашего сиятельства.

Иоганн фон Альтенау – Дельфине

Париж, 30 марта 1774 г.

Дорогая маркиза! Когда маленькая графиня Лаваль превратилась в маркизу Монжуа, то, говоря откровенно, она исчезла для меня, как прекрасный сон. Я думал, что когда-нибудь встречу маркизу, но она уже будет чужая для меня, будет одною из многих прекрасных женщин, с такими же, как у всех, румянами на щеках, скрывающими всякий след страданий и любви, с такою же улыбкой на устах, одинаково приветствующей врага и друга, с таким же направлением ума, для которого небо и земля составляют лишь предмет разговора.

И вот, случай, воплотившийся в лице толстой хозяйки кафе де ля Режанс, свел меня с горбатым человеком, относительно которого я все еще нахожусь в недоумении, служит ли он вашим придворным шутком или вашим кавалером? Но этот удивительный чудак познакомил меня с маркизой Монжуа. Она уже больше не графиня Лаваль – в этом меня не обмануло предчувствие, – но она и не одна из многих! Я почти готов думать, что она – человек, потому что она чувствует муки жизни.

Не гневайтесь же на меня, если я скажу вам, что в Париже находится человек, который отдает себя в ваше распоряжение. Может быть, он найдет какое-нибудь средство – если вы милостиво захотите завязать с ним сношения, – облегчить вашу скорбь, хотя и не сможет обратить ее в радость.

Принц Фридрих-Евгений Монбельяр – Дельфине

Париж, 3 апреля 1774 г.

Дорогая Дельфина, незабвенная подруга! Свою горячую благодарность за то благодеяние, которое вы оказали мне, я должен попытаться выразить вам лично, а не через посредство вашего верного посла. В своей невинности вы даже и понять не можете, как много вы сделали для меня. Вы спасли мне, быть может, даже большее, чем жизнь, после того, как вы сами же толкнули меня в бездну, худшую, чем смерть. Я был на пути к гибели... Ах, я бы хотел покаяться вам и получить от вас отпущение грехов. Это вернее освободило бы меня от них, чем если бы это сделал сам папа!

Париж стал мне противен. Я не могу больше выносить его тяжелый, спертый воздух. Я жажду вдохнуть бодрящий весенний аромат, исходящий от родной земли. Как только моя рана позволит мне выехать, я вернусь в Монбельяр и останусь там до тех пор, пока не заживут еще более глубокие раны моего сердца, и мне можно будет переехать в Этюп, – наш прекрасный Этюп!

Но я еще не знаю, что может излечить эти раны. Удовольствия Парижа оказались лишь перевязкой, сделанной неловким хирургом, а разлука с вами действовала как разъедающий яд, не допускающий заживления. Свидание с вами закроет ли эту рану? Все равно! Если б я даже знал заранее, что буду истекать кровью, все же я не стану колебаться ни минуты. Лишь ваш отказ может отправить меня в изгнание. Но я знаю, вы не в состоянии вынести мне такой

приговор. М-г Гальяр затруднялся, что восхвалять больше: вашу красоту или вашу доброту? Бедняга, он точно мотылек сжег свои серые крылышки, летя на свет ваших очей!

Я снова увижу вас и постараюсь забыть, что приветствую в вашем лице маркизу Монжуа.

Простите дрожащий старческий почерк этого письма, пусть это не беспокоит вас, дорогая Дельфина. Но как ни радует меня эта заботливость обо мне, я все же должен сказать, что причиной моего дрожащего почерка является не столько слабость, сколько волнение. Я знаю теперь, что должен чувствовать путешественник в пустыне, изнывающий от жажды, с пересохшим горлом и потрескавшимися губами, когда он вдруг увидит перед собой прохладную тень высоких пальм и светлые струи источника!..

Принц Фридрих-Евгений Монбельяр – Дельфине
Монбельяр, 30 апреля 1774 г.

Дельфина, дорогая Дельфина, отчего не отвечаете вы мне? Я тщетно ждал в Париже вашего письма и надеялся хоть здесь найти какую-нибудь весточку от вас. Все напрасно! Было ли это слишком опрометчиво, с моей стороны, только исходя из вашей заботливости, вывести заключение, что в вашем сердце сохранился еще остаток прежнего расположения ко мне? Когда граф Шеврез, в присутствии повес и девок, начал говорить о Монжуа, где он нашел дворец Венеры, мне показалось, что я понимаю наглый смысл его слов. То, что я мог это подумать, было бы для вас оскорблением, и вы правы, не устаивая меня больше ни одним словом.

Но, Дельфина, ради нашего детства, которое глядит на меня здесь из каждого куста, из зеркальной поверхности каждого пруда, – простите меня! И ради моей любви к вам, скажите мне хоть одно доброе слово. Только ваше сострадание и ваш гнев невыносимы для меня!

Если же болезнь причиной вашего молчания – я не смею останавливаться на этой мысли, – то поручите Гальяру ваш ответ. Я изо всех сил цепляюсь за каждую соломинку надежды и слишком боюсь, что вы сами отнимете ее у меня, поэтому и не решаюсь встретиться с вами.

Маркиз Монжуа – Дельфине
Париж, 8 мая 1774 г.

Милая моя! Известие о смерти короля придет раньше моего письма. Когда я в четверг утром вступил в Версаль, повсюду уже царил сильнейшее волнение. Партия Дюбарри с герцогом Этильоном во главе уже находилась в сборе, так же, как и партия Шуазеля, собравшаяся у дофины, вместе с герцогиней де Грамон, вызванной, к великому негодованию короля, и своего изгнания. Даже непосвященный ни во что мог бы судить о положении дел по нескрываемой тревоге, выразившейся на лицах одних, и плохо сдерживаемой радости и торжеству других.

Вечером больной король был перевезен из Трианона, куда его увезла всемогущая фаворитка, для того, чтобы до конца удержать в своей власти. Это возвращение короля совершилось при таких условиях, что должно было бы потрясти самого хладнокровного наблюдателя. Дождь лил потоками, когда золоченые королевские кареты медленно, точно похоронная процессия, двигались по грязным улицам к замку. Султаны на головах лошадей, намокшие от дождя, печально повисли. Короля осторожно приподняли из кареты на подушках и понесли. Голова его поникла, и на лбу, желтом, как воск, выступили крупные капли пота. Сквозь сжатые губы вырывался временами хриплый стон, когда его проносили мимо его придворного штата. Как только его положили на кровать, он с тревогой стал молить окружающих, чтоб они сказали ему правду относительно его болезни. Хотя он всегда очень много говорил о своем геройском мужестве, но, в сущности, он ничего так не боялся, как смерти. Он тотчас же окружил себя открытой и тайной стражей, не понимая того, что она ведь не преградит дорогу смерти!

На следующий день королю два раза пускали кровь. Когда же врачи сказали, что, может быть, придется это сделать и в третий раз, то и ему самому, и всем его окружающим стало ясно,

насколько серьезно было его положение. Герцоги Ришелье и Омон в моем присутствии бросились чуть не с кулаками на врачей, чтобы помешать им произвести эту операцию. Врачи испугались за свое положение и поэтому уступили. В субботу, 30 апреля, все тело короля внезапно покрылось такою же сыпью, от которой он страдал в своей юности. Врачи теперь официально назвали это оспой. Король впал в состояние апатии. Партия Шуазеля воспользовалась этим и настояла на том, чтобы к королю были допущены его дочери: Аделаида, София и Виктория. Архиепископ уже дожидался в прихожей, рассчитывая при помощи своего влияния добиться изгнания Дюбарри с ее свитой. Но как только больной пришел в себя, он выгнал своих дочерей и с горячностью потребовал к себе графиню. Принцессы, впрочем, не в состоянии были бы выдержать дольше ужасного запаха в комнате короля, тогда как графиня оставалась возле него, не выказывая никаких признаков дурноты.

Ничего тут нет удивительного, когда сам родился на улице!..

Рассказывают, что у нее хватило дерзости принести с собой бриллиантовое ожерелье сказочной цены, которое ей предложил купить ювелир Бемер. Она положила его перед умирающим королем и просила подарить ей. Едва ли он понимал что-нибудь из того, что она говорила, но он притянул к себе ожерелье своими покрытыми нарывами горячими руками, которым было приятно прикосновение холодных камней.

Посредством шуток и нежностей графиня старалась пробудить бодрость у умирающего и надежду на выздоровление. Герцог Ришелье поддерживал ее старания тем, что не допускал к королю архиепископа, который хотел своевременно исповедать умирающего и поэтому не уходил.

– Если вы так жаждете великих грехов, монсиньор, – сказал ему старый повеса со свойственным ему цинизмом, – то возьмите мои! Могу вас уверить, что за двадцать лет вашего архиепископства в Париже вы не слыхали ничего подобного!

Борьба партий около умирающего короля приняла, в конце концов, настолько бурный характер, что шум проник даже в его комнату. Тщетно старался я водворить спокойствие, потому что как ни враждебно отношусь я к партии Дюбарри, тем не менее, я все же помню, что король – преемник великого Людовика и, во всяком случае, как умирающий, заслуживает, чтобы к нему относились с тем безмолвным почтением, какое всегда внушает приближение смерти. И только, когда король был уже в полусознательном состоянии, священники добились от него удаления графини.

Через несколько часов после смерти короля я приехал в Париж. Везде мне попадались навстречу ликующие массы народа, и крики: «Да здравствует Людовик XVI» раздавались на всех улицах. Как ни антипатично мне всякое скопление народа, но в этом случае я чувствовал себя заодно с чернью.

Потрясающие события, которые должны будут повлиять на судьбы Франции, отодвинули на задний план те разногласия, которые возникли между мной и вами незадолго до моего ускоренного отъезда из Фроберга. Я теперь спокойнее отношусь к этому, так как думаю, что ваше поведение является лишь результатом вашего положения. Я постараюсь обращаться с вами отныне как с больной, но все же хотел бы вам напомнить, что хорошо воспитанные женщины считали до сих пор своим долгом сдерживаться даже в самые трудные минуты своей жизни. Я до сих пор не могу понять, почему любезное приглашение княгини Монбельяр и высказанное мною желание, чтобы вы своим согласием поддержали дружественные соседские отношения с нею, могло так рассердить вас? Ведь, по вашим же уверениям, княгиня была для вас второю матерью! В своем письме она с особенным ударением говорит о тихой сельской жизни, которая предлагалась вам в Этиюпе. Ваше возражение, что вы не можете показываться с такой «изуродованной фигурой», не более как пустой предлог при данных обстоятельствах. Вам не представляется случая одерживать триумфы в обществе, и поэтому ущерб, нанесенный вашей красоте не имеет значения. А так как вы вообще находите Фроберг угрюмым и скучным, то

солнечный Этюп должен повлиять на вас вдвойне благотворно. Княгиня же, при своей доброты, конечно, окружит вас самыми заботливыми попечениями.

Однако, спор, возникший между нами по поводу приглашения, был только прелюдией к той сцене, которую вы разыграли, выказав при этом безусловный талант для ролей трагических героинь. Я думал смягчить вас, напомнив вам о необходимости позаботиться о будущем ребенке, но своими словами я только подлил масла в огонь. «Позаботиться о ребенке! – крикнули вы, не желая замечать, что Гальяр нарочно остановился под вашим открытым окном. – Я не хочу иметь от вас ребенка! Я стыжусь этого ребенка!»

Надеюсь, что теперь вы стыдитесь своего собственного поведения, о котором я вам напоминаю единственно с той целью, чтобы вы увидели его, как в зеркале.

Но я уже сказал, что смотрю на это, как на болезненное состояние, которому подвержены молодые женщины, находящиеся в известном положении; поэтому я и прощаю вам афронт, который вы причинили мне. Не настаиваю также и на визите в Этюп. Ведь бывают же случаи, что беременные женщины чувствуют непреодолимое отвращение как раз к своим самым любимым кушаньям!

Я пишу вам все это именно потому, что хотел бы, чтоб об этом деле между нами не упоминалось больше ни слова.

Принц Фридрих-Евгений Монбельяр – Дельфине

Монбельяр, 10 мая 1774 г.

Обожаемая Дельфина! Чем дольше я не получал вашего ответа, тем лихорадочнее работала моя фантазия: я видел перед собой небо и ад и думал, что все могу перенести. И все-таки, действительность окончательно сразила бы меня, если б между строк вашего письма я не услышал биения вашего сердца, не увидел слез в ваших очах!

Вы отклоняете мое посещение. Вы боитесь его! Вы желаете, чтоб я не забывал Дельфину Лаваль, и поэтому не хотите, чтоб я видел Дельфину Монжуа. Вы оставляете мне лишь слабую надежду, что когда-нибудь наступит время, когда великий поворот судьбы избавит подругу моих юных лет от столбняка, в котором она находится. Вы несчастны, Дельфина, несчастны, как и я, и не позволяете мне помочь вам! Я завидую графу Шеврезу, я даже постараюсь забыть его легкомысленные речи, потому что он в состоянии был доставить вам часы веселья.

Были моменты, после получения вашего письма, когда желание иметь возможность помочь вам заглушило во мне все другие эгоистические чувства. В один из таких моментов я и попросил мою мать пригласить вас. Повинуясь вашему желанию при всех обстоятельствах, я бы не переступил порога жизнерадостного замка Этюп, так же, как не переступил бы порога вашего мрачного замка.

Еще многое хотелось бы мне сказать вам, потому что мое сердце переполнено. Но если б я начал, то не мог бы остановиться, как не может остановиться поток, бьющий из глубоких недр земли...

Иоганн фон Альтенау – Дельфине

Париж, в сентябре 1774 г.

Высокоуважаемая госпожа маркиза! Я уже отложил надежду получить от вас известие и глубоко уважаю ваше молчание, которое у большинства людей, как и у животных, пораженных насмерть, бывает следствием глубокого страдания.

И вот, я постоянно перечитываю ваше письмо и по недосказанным словам, по рассказам г. Гальяра и по вашему почерку, буквы которого прежде прыгали в разные стороны, точно веселые маленькие кобольды, а теперь чинно и степенно выступают передо мною равными рядами, как испуганные дети перед строгим учителем, я стараюсь составить себе представление о женщине, которой теперь я пишу.

«Я уже больна много недель, – пишете вы, – я лежу, точно мертвое тело в церкви, на ужасной, большой кровати, которая никак не может согреться, – посреди высокой, мрачной комнаты. Что снаружи теперь лето – я этого не замечаю! Мне кажется, что окна в этом замке нарочно так построены, чтобы в них заглядывало только зимнее солнце». Затем вы рассказываете о залах, всегда имеющих пустынный вид, сколько бы в них ни ставили мебели, и о жизни, которая так же пустынна, потому что наполнена отжившим, старым хламом. Кто же это, маленькая ли Дельфина, которую я знал когда-то, или маркиза, которую я ожидал встретить?

Я должен вам преподнести что-нибудь «живое», чтобы, по крайней мере, «отголосок шума и смеха» достиг вас. Но я должен вас разочаровать, маркиза: Париж, который я знаю, шумит – это правда, но уже не смеется. В те часы, когда прежде на бульваре Лоншан в своих великолепных колясках, отделанных севрским фарфором, выставляя напоказ свои роскошные туалеты, высоко взбитые прически и обольстительную улыбку, а народ глазел на них и на сопровождавшую их золотую молодежь, – теперь, ежедневно, в кофейнях Пале-Рояля собираются люди, число которых постоянно возрастает. Они приходят туда, чтобы почитать свежие газеты и памфлеты, поговорить о новейших общественных или политических скандалах, поспорить о философских и литературных вопросах. Для многих эти общественные места, где можно собираться, заменили знаменитые в свое время салоны, и не потому только, что здесь они не выходят из своего привычного круга или что они предпочитают старым знаменитостям молодых неизвестных, но также и по той причине, что в непринужденности одежды и разговора они открыли новую привлекательность, которой не хватало салонам. Кроме того, было и еще одно обстоятельство, заставившее многих из теперешних завсегдатаев кофеен покинуть прежние салоны, это – их убеждение в том, что все увеличивающееся влияние женщин в этом веке оказало печальное воздействие на внутреннее и внешнее положение Франции.

Только мужская культура, по мнению многих, может спасти нас от той бездны, куда мы теперь стремимся. Но забавно при этом, что чем больше мы освобождаемся от влияния женщин, тем больше занимаемся ими, только, вместо любовных писем, теперь пишут ученые трактаты о женщине и подвергают самому тщательному исследованию и испытанию ее силы и способности. Тома из французской академии первый опубликовал исследование характера, нравов и ума женщин.

При чтении этой книги мне вспомнился следующий анекдот: Софи Арно, более прославившаяся своими острыми словцами, нежели своим астматическим пением, попросила однажды Тома, который был в то время администратором одного парижского департамента, чтоб он велел переделать камин в ее доме. «Я переговорил с министром о вашем деле как философ и гражданин...», – ответил он ей, в конце концов. «Ах, милостивый государь, какая мне польза от этого! – прервала она его. – Лучше бы вы говорили об этом как трубочист!...»... Боюсь, что он также отнесся и к женщинам, как к каминам. Не как гражданин и философ должен был он рассуждать о женщинах, а как чувствующий человек, как это сделал, например, Дени Дидро в своем разборе этого сочинения. Я не могу удержаться, чтобы не привести вам некоторых его фраз, хотя мне и приходится для этого нарушить их связь в целом. Он рассказывает: «Я вижу, как дрожит от ужаса благопристойная женщина при приближении своего супруга; я вижу как она погружается в ванну, с ужасом думая, что никогда ей не очиститься от следов исполнения супружеских обязанностей. Такое чувство телесного стыда нам совершенно неизвестно. Даже в объятиях любимого человека женщины не всегда испытывают величайшее блаженство, тогда как мы можем испытать его с любой доступной женщиной, к которой мы совершенно равнодушны»... В другом месте, где он изображает законы и обычаи, навязываемые женщинам, он говорит: «Во всех странах жестокость гражданского законодательства соединилась с жестокостью природы против женщин. К ним относятся как к детям или идиотам. Нет такого мучительства, даже у культурных народов, какое не мог бы себе позволить

мужчина по отношению к женщине! Если же она осмелится возмутиться, то ее поведение наказывается всеобщим презрением».

Сам фернейский патриарх, не выносящий, даже в течение короткого времени, чтобы общество не занималось им, вмешался в рассуждения на тему о женщине. По крайней мере, все говорят, что его перу принадлежит один, недавно появившийся, остроумный памфлет. Он требует ни более ни менее, как невозможного облегчения развода, который должен быть делом государства в интересах семейного благополучия, а отнюдь не делом церкви: «Что муж всегда старается вознаградить себя любовницами, а жена – любовниками, это еще не составляет решения вопроса», – говорит он.

Автор другой анонимной брошюры требует для оздоровления брака уничтожения приданого. Но, мне кажется, что это было бы полумерой. Правда, мужчины стали бы вступать в брак только по любви, но совершенно неимущие женщины, более чем когда-либо стали бы заключать браки по расчету.

Я рассказал вам обо всех этих курьезах, думая возбудить, по крайней мере, ваше любопытство, а может быть, даже вызвать у вас улыбку. Но и это уже было бы большим прогрессом. Однако я потерял нить своего письма. И единственным для меня утешением может служить лишь уверенность, что моя корреспонденция, в которой я так погрешил против стиля, никогда не попадет в руки типографского наборщика. Итак, я снова возвращаюсь к началу моего письма. Я хочу раньше изобразить вам рамку той картины, которую я намерен впоследствии нарисовать во всех подробностях, если только вы не заставите меня замолчать.

Мы остановились на кофейнях Пале-Рояля. Если погода хорошая, то в поздние, послеобеденные часы толпа рассыпается по аллеям. Там можно видеть и женщин в красивых полонезах с огромными муфтами или длинными палками в руках. Число прогуливающихся дам увеличивается с каждым годом. Вошло в моду гулять на чистом воздухе, и врачи поддерживают эту моду всеми силами. Истерия, которую считали притворной болезнью светских дам, превратилась в действительно серьезное заболевание, и врачи приписывают это комнатному воздуху, сидячему образу жизни и отсутствию движения, а также употреблению чая в большом количестве и шнурованию тела. В последнее время можно встретить у ворот Парижа даже герцогинь, прогуливающихся пешком и уменьшивших объем своих юбок ради удобства движения. А в саду Пале-Рояля появились недавно молодые, хорошенькие женщины, которые, вместо того, чтобы стягивать грудь корсетом, прикрывают ее просто кисейной косынкой.

Вы видите, дорогая маркиза, что стиль моего письма безнадежен. Мысль о той, кому адресовано это письмо, путает все мои фразы, и так как я не смею говорить только о вас, то невольно начинаю говорить о женщинах вообще. Но разрешите мне сделать еще одну, последнюю, робкую попытку вернуть мои мысли в прежнее русло... Когда же по вечерам запираются ворота Пале-Рояля, то открываются двери клубов. Это – собрания людей, преследующие литературные, философские и политические цели. Форму этих собраний мы заимствовали у Англии. Они растут и размножаются точно сорная трава. Почти каждый мелкий лавочник отправляется после ужина в свой клуб, где, по крайней мере, он может доставить себе удовольствие рассуждать обо всем, сколько душе угодно. Народное волнение, в прошлом месяце, вызванное известием об отставке канцлера, было бы немислимо без таких клубов и их просветительной работы. До сих пор парижане собирались толпой только в том случае, если какая-нибудь старая королевская любовница отправлялась в изгнание или же новая водворялась в маленьких королевских покоях. До некоторой степени ими руководили тут отцовские интересы; они гордились тем, что были главными поставщиками любовных наслаждений важных господ. Они низко кланялись собственной дочери, когда какой-нибудь принц увешивал ее бриллиантами. А теперь они плюют при встрече с ней. Кое-какое самосознание уже пробуждается в этих жалких маленьких мозгах, только никто из властителей еще не хочет признавать этого.

В то время как в клубах, по вечерам, горячо обсуждаются вопросы о свободе торговли и налогах, – вопросы, получившие особенно жгучий характер, с тех пор как у кормила правления стоит Тюрго, – принц Субиз, этот оперный султан, по-прежнему заседает в своем серале и милостиво принимает в своей ложе отставных танцовщиц, получающих от него пенсию, и юных учениц. А великосветское общество спешит после Пантена к Гимар, смотреть сладострастные комедии, старающиеся превзойти друг друга своим неприличным содержанием, или же отправляется в отель m-me де Монтессон, которая, несмотря на свои годы, все еще продолжает играть роли юных любовниц в своем собственном театре и остается до сих пор Эгерией герцога Орлеанского.

Я же, со своей стороны, дорогая маркиза, провожу свои вечера всего охотнее в таком обществе, которое можно было бы назвать первым в Париже по уму и остроумию, хотя оно и не блещет ни титулами, ни именами. Это общество собирается у Жоффрен.

Как бы я желал, чтобы вы познакомились с этой удивительной женщиной, которая сумела привлечь к себе лучшие умы Франции, не будучи уже ни молодой, ни красивой. Даламбер, Тюрго, Дидро – ее постоянные посетители. У нее в салоне свободно высказывается то, что за его стенами неминуемо приводит в Бастилию, но что составляет уже истину и религию грядущего века.

Вы найдете, пожалуй, что я слишком беззастенчиво пользуюсь вашим милостивым разрешением писать вам. Но мне представляется, будто вас снова окружает ночная тьма и вдали алеет зарево пожара, а вы – маленькая графиня Лаваль – стоите передо мной и смотрите большими горящими глазами, спрашивая дрожащим голосом: «Неужели это правда? Неужели это может быть?»...

Должен ли я отвечать вам – это вы решите сами!

*Иоганн фон Альтенау – Дельфине
Париж, 3 октября 1774 г.*

Высокоуважаемая госпожа маркиза! Ваш быстрый ответ привел бы меня в восхищение, если б я мог приписать его действию своего письма. Но именно горячность вашей благодарности, далеко не соответствующая моим заслугам, указывает мне, что вы томитесь, что даже самая ничтожная капля воды может служить, для вас облегчением. Вы забрасываете меня множеством самых разнообразных вопросов, и чтобы ответить на них, я должен был бы написать настоящую энциклопедию. Вы ожидаете, по-видимому, что я выскажу такое же опасное свободомыслие, как и энциклопедия, потому что иначе вы не стали бы просить меня адресовать мои письма к вам на имя вашего придворного шута. Но такой поступок, пожалуй, был бы даже опаснее, чем если бы мое письмо попало в чужие руки. Так ли вы уверены в человеке, в чьи руки вы отдаете себя? Я только теперь узнал, что он – сын нашей толстой хозяйки кофейни, особы весьма беспринципной, сумевшей хорошо устроиться, пройдя весь путь от уличной девки вплоть до сводницы; она, наверное, не постеснялась бы за пару луидоров отправить на виселицу своих самых близких друзей.

Но довольно об этом. Я постараюсь ответить на все ваши вопросы, и, по возможности, отвечу вам по порядку, так как думаю, что вы ближе всего принимаете к сердцу те из них, которые вы выдвигаете на первое место. Свои же собственные вопросы насчет того, чем обусловливается такая постановка ваших вопросов, я отодвигаю на задний план.

Итак, приступаю: Мари-Мадлен Гимар. Меня только удивляет, что вы так много уже слышали о ней. Мне кажется, что в ней воплощается отчасти дух нашей эпохи. Оттого ли, что женщины обладают большей чувствительностью, или они стоят ближе к таинственным действующим силам природы, но только они в значительной степени являются продуктом своего времени и окружающих условий.

Женщины царствования короля-солнца имели величественную наружность; они были большого роста, обладали роскошными формами и неподвижными, правильными чертами лица. Красота их была чисто телесная, и великолепные, негнущиеся придворные костюмы так же шли к ним, как и театральные зрелища и балеты, подражающие древним образцам. Современницы маркизы Помпадур казались уже грациознее, живее, и ум стал придавать красоту даже неправильным чертам лица. В настоящее же время ум подчиняет себе все тело. Одухотворенные глаза, капризный носик, рот, выражающий каждую мысль, каждое чувство, даже когда молчит, такие стройные члены, передающие каждое ощущение, – вот какова должна быть женщина *fin de siècle*⁴, и вот какова Мадлен Гимар. Она уже не молода, она совсем не красавица, и все же принц Субиз разоряется для нее, а г. Делаборд, ее прежний возлюбленный, верен ей, как собака, хотя у него постоянно бывают новые соперники. Она поднялась из народной гуши, как большинство ей подобных, но своим умением держать себя при дворе не уступает ни одной принцессе крови, потому что обладает в высокой степени тем женским даром приспособления, которое превращает в несколько лет молоденькую девушку из парижского предместья в светскую даму, тогда как мужик всегда остается мужиком, хотя бы он уже в течение нескольких десятков лет носил титул, дворянскую шпагу и шелковые чулки.

Когда она танцует, то можно закрыть ее лицо, и все-таки каждое ее чувство будет понятно зрителям. Видно, как ад и небо борются в ее душе. Ее потребность к роскоши не имеет границ, но ее можно встретить в самых нищенских кварталах Бютт-Сен-Рош, где она, плотно закрывшись капюшоном, раздаст бедным деньги, одежду и съестные припасы. Она хладнокровно превратила в нищих множество мужчин, но втихомолку спасает от беды молодых офицеров и своих же бедных коллег. Оргии, происходящие в ее отеле, приводят в ужас всех ее соседей, но на следующий же день после этого она, вполне благопристойно, принимает у себя дам и мужей науки и искусства, и для первых является образцом умения одеваться и принимать гостей, а для вторых служит кипучим источником вдохновения и возбуждения.

Перехожу теперь к Рокур. В красоте ее есть что-то юношеское, а в ее холодном, остром уме, есть что-то мужское; рассказывают, что она только раз проявила женскую слабость. Это было год тому назад, когда фернейский патриарх, в комедии которого «*Les lois de Minos*» она отказалась выступить, задел ее добродетель. Она упала в обморок. Но с той поры она стала менее чувствительной. Она неподражаема в ролях трагических героинь, но в ролях любовниц, которые она пыталась играть, и в жизни, – ей не хватает грации. Поэтому-то ее поклонники преимущественно очень молодые люди, более способны восхищаться, нежели любить; это скорее ученики, нежели повелители. Она принадлежит к числу постоянных посетительниц садов Пале-Рояля, где вокруг нее собирается больше женщин, нежели мужчин. В Париже произвело сенсацию то, что она основала женский клуб в частной квартире – пользующейся известностью *m-me Гальяр*. Разнузданные языки в кофейнях, более ядовитые, чем в салонах, так как они не стесняются требованиями приличий, рассказывают про этот клуб очень много дурного. Однако, я не думаю, чтобы *m-lle Рокур* принадлежала к такому типу новых женщин, который заслуживал бы особенного внимания с вашей стороны.

Затем вы спрашиваете меня, высокоуважаемая госпожа маркиза, о новых романах, о здоровье королевы, о положении министерства, о выдергивании золотых и серебряных нитей из галуна – этом отвратительном для нервных женских пальчиков модном занятии, – об идеях Дидро... Я стою перед этим пестрым букетом разнообразных вопросов, как дитя перед ярмарочным балаганом, и не знаю, с чего я должен начать! К тому же, мое умственное достояние слишком невелико, чтобы уплатить за все это настоящей монетой.

Новые романы? Женщины пишут их теперь с таким же проворством, с каким они выдергивают из галунов золотые нити. Это – сердечные излияния на бумаге, вызванные тем, что

⁴ конца века – *фр.*

любовники, которые их выслушивали раньше, сбежали. Я посылаю вам несколько образцов таких произведений и знаю, что ваш изысканный вкус отвергнет их. Время поэтов миновало с тех пор, как действительность начала предъявлять холодному рассудку все большие и большие требования. Только тогда, когда мы разрешим прозаическую проблему народной сытости, мы можем снова сесть за стол Анакреона и увенчать себя розами.

Как чувствует себя королева? Она строит в Трианоне пастушеские хижины и интересуется доением хорошо упитанных коров и выращиванием кротких ягнят.

Положение министерства? Но разве оно может на что-нибудь рассчитывать при таком короле, за которым его советники должны ежедневно отправляться в новый охотничий округ, в глазах которого цифра убитых козул важнее цифры государственного дефицита, и который, обливаясь потом, изобретает замки, предохраняющие от воров его гардеробные шкафы, но не спасающие от них его государство.

Выщипывание нитей? Я умалчиваю об этом занятии, потому что вязание чулок и шитье рубашек требует все же больше ума, чем такое бессмысленное времяпрепровождение.

Идеи Дидро? Они подкапывают, словно стая голодных крыс, ту почву, на которой построен наш мир, хотя во Франции не найдется, пожалуй, и ста человек, знающих имя того, кто увлекает их за собой, точно крысолов, увлекающий крыс. Эти идеи – отравленные стрелы, и тот, кого они поразили, медленно умирает. Руссо проповедывал возвращение к природе как новую религию. Вольтер, этот придворный шут его величества в XVIII веке, облил едким шлоком своей насмешки все, что казалось человечеству святыней. Дидро же – это герой, который с обнаженным оружием, как враг общества, выступает против него. От этого общества, говорит он, происходят все бедствия, все пороки. Это оно породило их, создав религию и богатство, т. е. порабощение одного другими и, главное, изобретя нравственность. Религия является источником преследований и преступлений, войн и судов над еретиками. Нравственность служит источником лицемерия самоубийства души, порабощения всех естественных влечений. Преодоление же нравственности является актом возрождения.

Вы испугались, госпожа маркиза? Ах, я не подумал о том, что вы, в самые мучительные часы вашей жизни, еще падаете с молитвой на колени, что вы считаете добродетелью покорность судьбе и подавление всех бунтующих голосов вашей души! Или, быть может, я ошибаюсь? Маленькая графиня Лаваль бежала, ведь из монастыря в туманную ночь, нарушая приказание аббатиссы, и она же, несмотря на ожидающее ее наказание, добровольно вернулась в монастырь, чтобы облегчить последние часы умирающей...

Простите! Образ этого очаровательного, мужественного ребенка так бесповоротно запечатлелся в моем сердце, что я из-за него забываю о маркизе Монжуа...

Иоганн фон Альтенау – Дельфине

Париж, 20 октября 1774 г.

Высокоуважаемая госпожа маркиза! В первую минуту я был совершенно ошеломлен взрывом вашего негодования, вызванного моим недоверием к вашей силе воли и к вашему самосознанию. Теперь я радуюсь такому действию – сознаюсь, не вполне неумышленному с моей стороны, – так как это закалило ваши силы.

Прилагаю маленькую статью «О праве на развод», и надеюсь достать для вас копию диалога Дидро: «Хороший ли он – или злой?», в котором заключается главное, что вы желали бы знать.

Надежда на возможность вашего приезда в Париж: «Когда все будет кончено», – вы, вероятно, имеете в виду рождение вашего ребенка? – приводит меня в восторг. Я уже говорил на прошлой неделе, в среду, с мадам Жоффрен. Она не принимает никого из дам, кроме мдмзль Леспинас, так как говорит, что они приходят лишь «из зависти и любопытства и уходят, чтобы сплетничать», – но для вас она сделает исключение. Ваши письма она нашла обворо-

жительными. «Женщина с умом и сердцем составляет такое исключение в наше время, когда заботятся только об уме и воспитывают, и балуют его, словно принца, а на сердце смотрят, как на Золушку, – сказала она, – что я люблю ее, даже не зная ее!» Такой приговор в устах мадам Жоффрен имеет для интеллигентных кружков Франции, столь же большое значение, как для королевского дома удостоверение в существовании тридцати двух предков.

Могу я просить вас напомнить г. Гальяру, чтоб он сообщил мне о состоянии вашего здоровья, когда вы, дорогая маркиза, не в состоянии будете писать?

Люсьен Гальяр – Дельфине

Фроберг, 20 ноября

Высокоуважаемая госпожа маркиза! Ваша милость простит мне этот необычный шаг. Мне ничего не остается другого, так как вход в вашу комнату для меня недоступен.

До вступления госпожи маркизы во Фроберг никто в этом доме не обращался со мной как с человеком. Поэтому все чувства, жившие во мне, сосредоточились в одном – в ненависти. Доброта же вашей милости и выказанное мне участие впервые заставили меня заметить, что и у меня, как и у других, не горбатых, людей, есть также сердце в груди.

Достаточно уже тяжело то, что я должен видеть живым человека, причиняющего вам столько горя и страдания! Но что этот человек не стесняется унижать вас в собственном доме – скажу прямо: обманывать, – этого я уже не могу вынести!

Мадам Помиль, кормилица, взятая к вашему ребенку, – возлюбленная господина маркиза, ее дочь – его дочь. В доказательство прилагаю письмо, похищенное мной из ее ящика.

Маркиз Монжуа – Дельфине

Фроберг, 22 ноября 1774 г.

Моя милая! Вы запрещаете мне вход в вашу комнату, и только для того, чтобы избежать еще большего скандала, который сделал наши разногласия достоянием всех наших подчиненных, я покоряюсь, на первый раз, вашему решению. Полагаю также, что, действительно, лучше избегать таких словесных пререканий, какие произошли вчера, пока вы не выздоровеете окончательно. И только вследствие опасения, что вы, в своем раздражении, могли не расслышать всего, сказанного мной, я хочу попытаться письменно объяснить с вами, причем я особенно настаиваю на том, что ни вчера, ни сегодня я не чувствую себя в положении виновного перед вами.

Повторяю: мадам Помиль не моя возлюбленная, и ваше знание моего вкуса должно было бы убедить вас в этом, без моих уверений. Я не очень добродетелен, но зато слишком эстетичен для того, чтобы позволить себе такую нелепость и ввести любовницу в свой собственный дом. Наглое письмо моего рейткнехта, которое сунули вам в руки, ничего иного не доказывает, кроме того, что на охоте в лесах Зульца я провел одну ночь у женщины. И этого бы не случилось, если бы вы, моя дорогая, не показали мне себя с самой нелюбезной стороны.

Мой ли ребенок дочка Помиль – этого я знать не могу. Но я считаю простым долгом благопристойности, даже на основании одной только возможности этого, оказать матери этого ребенка необходимую поддержку.

Что касается ее выбора как кормилицы моего сына, то как вам известно, она сама предложила себя, и наш врач нашел ее наиболее подходящей из всех кандидаток. Так как здоровье моего сына должно стоять на первом плане теперь, то, не взирая на необходимость обращать некоторое внимание на толки людей, я все же не хочу, чтобы тут произошла какая-либо перемена. Я позабочусь о том, чтобы дом мадам Помиль находился в таком состоянии, которое вполне отвечает требованиям ранга ее питомца. Она, таким образом, не будет попадаться вам на глаза, а через несколько месяцев, когда ваш гнев уляжется, вы будете вспоминать об этом деле со смехом.

Теперь о письме, которое вы велели мне передать. Вы требуете, ни более ни менее, как разрыва нашего брака, и свое желание подкрепляете избытком таких громких слов, как: правдивость, самоуважение, личная свобода. Вы, в самом деле, ребенок, иначе вы должны были бы знать, что не уцелело бы вообще ни одного брака, если бы каждый раз последствием такой «неверности» был бы развод. И вы бы сказали себе также, что маркиза Монжуа не должна делать себя предметом всеобщих насмешек.

Я боюсь, после всего происшедшего, что вам, моя дорогая, еще многому надо поучиться, раньше чем я решусь отправиться с вами в Версаль. Поэтому я отдал приказание приготовить нам дворец в Страсбурге, много уже лет стоящий пустым, так как я хочу сначала представить вас тамошнему обществу.

Еще одно: этот негодяй Люсьен Гальяр, так позорно отплативший мне и моей матери за все наши благодеяния, уволен мною, и я рассчитываю на благородство ваших чувств: что вы достойным образом отклоните всякую попытку этого человека вступить с вами в сношения.

Немецкая трагедия

*Принц Луи Роган – Дельфине
Страсбург, 21 февраля 1775 г.*

Красавица! Мои приближенные полагают, на основании моего дурного расположения духа, что возникли серьезные политические осложнения. Но они – такие немцы – так безгранично проникнуты немецким духом, что не могут понять необъятности моего страдания, вызванного тем, что я должен отказаться от вашего приглашения. Точно так же они не в состоянии даже представить себе, какое действие должно было оказать на меня ваше появление в Страсбурге. Со времени открытия отеля Монжуа это место изгнания превратилось в остров блаженных!

Мой парижский курьер привез маленькие паштеты, которые я обещал вам для вашего ужина. Зависть к счастливым, которые будут вашими гостями, так велика, что я почти готов был бы отравить их. Что еще привез мой курьер – письма и газеты; это едва ли заслуживает внимания. Но я готов изложить вам все в газетном стиле нашей новейшей литературы, а ваш ум подскажет вам, как надо украсить эти парижские новости, чтобы поднести их вашим гостям.

По знамениям на небе Франции наши мудрые астрологи предсказывают приближение сильной грозы. Так, например, малютка Люси из Водевиля с особенным ударением произнесла в одной комедии два следующих стиха: «Бывают мудрецы двадцати лет и повесы шестидесяти!» – и за оскорбление величества была посажена в тюрьму на двадцать дней. Предлагаю вашей проницательности угадать: оскорбила ли она этим мертвого или живого короля?

Затем, в новейшей трагедии Вольтера фраза: «Обломки трона погребают под собою его подданных» вызвала бурные аплодисменты, причем энтузиазм партера был вызван «обломками трона», а восторги лож – «раздавленными подданными».

Далее: Мальзерб торжественно вступил в академию – «тот самый, который содействовал появлению энциклопедии», – пишет мой корреспондент, сопровождая эту фразу тремя испуганными восклицательными знаками. Но он еще недостаточно стар и потому не знает, что только мертвые попадают в число «бессмертных».

В заключение еще следующее: маркиз Мирабо, подобно Платону, открыто присоединился к новому Сократу – д-ру Кэнэ, в котором он видит избавителя от всех наших зол. Это, по моему мнению, единственное событие, могущее заставить немного призадуматься. Не ради г. Кэнэ, которому в будуаре маркизы Помпадур пришла в голову достопамятная мысль: променять шпагу на навозные вилы, а веер – на молочную кадку, и который теперь сделался святым для экономистов, а ради личности его последователя. Потерпевшие крушение аристократы, начинающие интересоваться вопросом о народном счастье, опасны уже потому, что возбуждающий яд недовольства сильнее разжигает кровь тех, кто все потерял, чем кровь голодающих бедняков, которые ничего не имеют, и разинутый рот которых, готовый закричать, можно снова закрыть куском хлеба.

Вообще, моя красавица, будьте уверены, что и в Париже вы будете так же танцевать, как и в Страсбурге, так как единственная революция, которая разжигает умы, разыгрывается не на улице, а в опере, где пиччинисты с глюкистами ведут ожесточенную борьбу. Даже миру семейного очага грозит опасность если одна часть членов семьи высказывается за мелодии итальянца, а другая – за барабаны и трубы немца.

Я позволю себе, после вашего праздника, лично осведомиться о вашем здоровье и надеюсь хорошо вознаградить себя за те потерянные часы, которые я не мог провести возле вас.

*Маркиз Монжуа – Дельфине
Фроберг, 25 февраля 1775 г.*

Моя милая! Спешу сообщить вам, что болезнь моей матери не так серьезна, как я этого опасался, и поэтому приготовления к вашему празднику не должны быть прерваны. Цветы из наших оранжерей уже отправлены, и мои лейбегеря должны уже сегодня приехать в Страсбург. Дорогой я встретил кладь из Парижа с декорациями для сцены. Значит, и она прибудет своевременно.

Вы должны будете признать, что я не оставил не исполненным ни одно из самых экстравагантных ваших желаний, хотя система г. Тюрго, по-видимому, не принявшего во внимание, что он отнимает у короля вернейшую опору его престола, – аристократию, не замедлила дурно отразиться на крупных доходах. Тем не менее, я решился принести эти жертвы, потому что могу только одобрить ваше желание: сразу, одним ударом, завоевать первое положение в страсбургском обществе. Но я ожидаю и с вашей стороны некоторой уступчивости, тем более, что ваше упрямство может уничтожить все, что вы имеете в виду достигнуть вашим праздником.

То, что нам удалось склонить м-ль Гимар танцевать у нас, должно составить предмет разговоров не только в Страсбурге: что гораздо важнее, это вызовет разговоры и в парижском обществе. Однако, если бы вы поместили в нашем доме эту девицу, как нашу гостью, – что вам желательно, – то сделали бы себя смешной. Поэтому я прошу вас оставить в силе мои распоряжения относительно отель де-Франс.

Не совсем уверенный в вашем окончательном согласии относительно второго пункта нашего спора, я предупредил ваше решение и сам пригласил графа Шеврез, так же и от вашего имени. Было бы трудно поправимым промахом, если бы мы закрыли двери нашего дома графу, протеже королевы, который, притом, находится в Страсбурге на ее службе. Мотивы ваши мне неизвестны. Я не имею также намерения требовать от вас откровенности, но знаю только, что эти мотивы не могут быть настолько важными, чтобы побудить нас дерзко обойтись с графом.

В интересах Франции я горячо желаю содействовать успеху его миссии. Дело идет о том, – говорю вам это под величайшим секретом, – чтобы устроить примирение между королевой и принцем Роган. Австрийская императрица сильно восстановила против него свою дочь, рассказав ей, как он позволил себе отзывать о ней, вскоре после своего отозвания из Вены, а также, какую жизнь он вел, как духовное лицо и как посланник. Без сомнения, и то и другое было с его стороны грубой неосторожностью, но все же этого недостаточно, чтобы держать в опале человека с такими испытанными убеждениями и с такими влиятельными семейными связями.

Граф Шеврез получил непосредственно от короля тайное поручение исследовать это дело и насколько возможно уладить его.

Я надеюсь, что ювелир уже принес вам на выбор изумруды. Если же нет, то своевременно напомните ему об этом. Очень важно хорошо подобрать цвет камней к вашему розовому туалету. Предлагаю вам обратиться к Дюплесси, который как раз выбрал этот цвет для вашего портрета.

*Принц Луи Роган – Дельфине
Страсбург, 27 февраля*

Все находятся в упоении от праздника в отеле Монжуа и очарованы вами, красавица! Не хотите ли судить сами, хорошо ли я осведомлен был? Вы подчинили себе природу, заставив лето, в середине зимы, убрать цветами ваши залы! Вы принудили Лукулла восстать из мертвых, чтобы приготовить яства для вашего стола! Как новая, еще более очаровательная Цирцея, вы превратили тяжеловесных дам Страсбурга в толпу резвых граций! Вы призвали к себе Терпсихору, волшебное искусство которой сообщает гибкость самым одеревенелым членам, так что до самого рассвета не прекращались танцы! Ваши глаза разбили сердца! Ваша улыбка разлучила друзей, поколебала мир в супружествах! Уж не хотели ли вы доказать, что одна кра-

сивая женщина в состоянии вызвать гораздо большие революции, чем все парижские писаки вместе взятые?!

То, что вы среди своих триумфов не забыли обо мне и прислали одинокому больному чудное угощение от избытков вашего стола, я считаю таким отличием, которое я еще должен заслужить. Приказывайте же мне! Я надеюсь, что через несколько дней мне можно будет выходить из комнаты, и мой первый выезд будет к вам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.